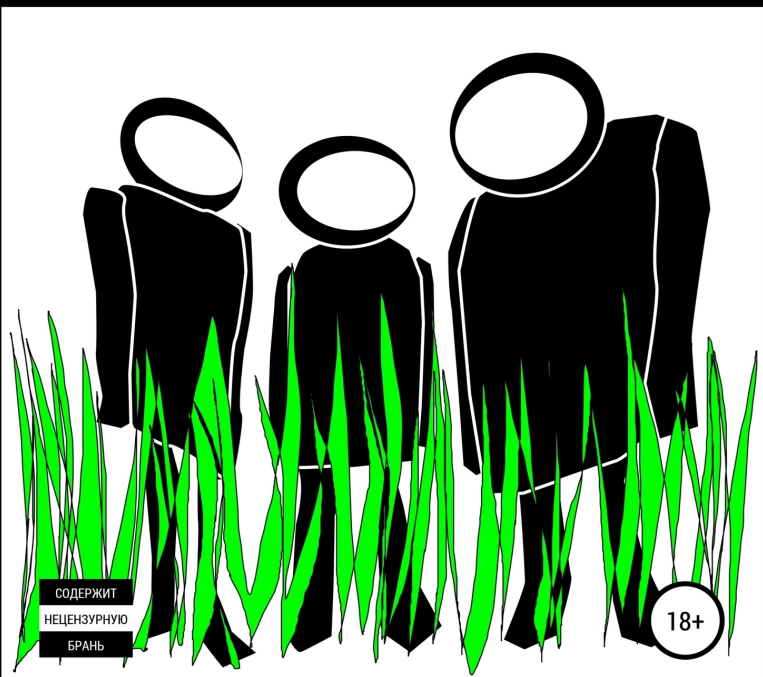

Сергей Бушов

Миссия в траве

Сергей Бушов

Миссия в траве

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=41131867

SelfPub; 2020

Аннотация

Содружество переживает нелёгкие времена. Теракты, сепаратисты, ошибки политиков... Тяжело больной и уставший офицер Сил Безопасности, сопровождаемый двумя подчиненными, получает очередное нелепое задание на никому не известной планете. Есть ли в этом задании смысл? Есть ли смысл в его жизни? Как он пришёл к тому положению, в котором находится сейчас, и есть ли из него выход? Обложка книги нарисована автором, Сергеем Бушовым.

Содержание

1	4
2	9
3	15
4	25
5	32
6	35
7	49
8	55
9	66
10	71
11	73
Конец ознакомительного фрагмента.	89

1

Тёмная пропасть. Глубокая, уродливая, неправильной формы яма, где ворочался чёрный дым, иногда показывая огненные языки. Над ямой нависали обглоданные кости железных и бетонных громад, кое-где охваченные огнём и готовые рухнуть в бездну. По склонам ямы то там, то здесь, были размазаны окровавленные ошмётки, и Жерм старался не думать о том, кем они были раньше. Это была его первая мысль: «Не надо думать, а то стошнит».

Левую часть головы, которой он, видимо, ударился о землю, точно сдавило крепкой каменной рукой, а перед глазами плавала чёрная муть. Жерм, ещё лёжа, потрогал голову и убедился, что она цела, хотя и почувствовал на пальцах тёплую липкую слизь. Он присел на хрустящих обломках бетона, оглядел руки, ноги. Правый ботинок, лишившийся подошвы, стал безобразным раскрывшимся вниз цветком. Жерм несколько секунд смотрел на него, слушая, как в голове течёт и переливается невидимая бурлящая река, потом решил встать.

Похоже, ему повезло. Жерм помнил, как сказал напарнику пару слов и пошёл на улицу за фруктовым мороженым. Ещё посмеялись, что торговый центр гигантский, а мороженое продаёт только робот у входа. Жерм вышел, огляделся в

поисках продавца, и тут справа, со стороны выхода, на него навалилась яркая волна горячего воздуха. А потом он очнулся на колючих камнях, и на месте торгового центра и близлежащих домов находилась эта пугающая бездна.

Сверху вспыхнуло. Жерм задрал голову и увидел над собой скелет здания. Там, внутри, на верхних этажах, горел, потрескивая, огонь. Потом хлопнуло снова, и вниз полетел небольшой предмет. Жерм проследил взглядом, как он скрывается в дымной бездне, по пути различив, что это оторванная человеческая нога. «Как странно, – подумал Жерм. – Творятся такие жуткие вещи, а нет ни медиков, ни полиции. Даже спасательных дронов не видно». Однако через секунду Жерм осознал, что и сам он тоже полицейский, пусть и работал всего лишь в торговом центре, который теперь находился там, глубоко, в чёрной яме. И в обязанности Жерма входило поддержание порядка на территории, которая в один миг стала воплощением самых страшных снов.

Жерм вдруг почувствовал, что рядом стоит человек. И даже дёргает его за рукав чёрной форменной куртки. Полноватый мужчина в ободранной грязной одежде, с измазанным копотью лицом и растрёпанными волосами, нервно говорил, тряс головой, жестикулировал, но Жерм не слышал звуков – гул в голове заглушал.

– Простите, – сказал Жерм, – что?

Кажется, мужчина стал говорить громче, поскольку на этот раз Жерм разобрал слова, доносящиеся сквозь слои

несуществующей ваты:

– Вы не видели моего сына? Восемь лет, в красной курточке...

Говорящий странно морщил лоб, губы его дрожали, а в уголках красных глаз блестели слёзы. Жерм подумал, что незнакомец, наверно, уже не надеется найти ребёнка. А скорее, даже надеется его не найти. Потому что отыскать человека живым и здоровым в этом кошмаре шансов было немного. Жерм хотел уже задавать мужчине стандартные вопросы – как звали пропавшего, где его видели в последний раз. Наверно, это занятие принесло бы Жерму облегчение. Но мужчина вдруг прищурился, вглядываясь в грудку мусора вдали, и сорвался с места.

Жерм остался стоять, слегка пошатываясь, затем двинулся в ту же сторону, чувствуя, как впиваются в обнажённую правую ступню крошки бетона и осколки стекла. Мужчина тем временем тянул из кучи обломков кусок красной ткани. Но нет, это была не куртка, а обрывок рекламной перетяжки со словом «Наслаждение». Мысли Жерма, тягучие, вялые, плавали в голове, как мёртвые рыбы. И он внезапно вспомнил, что в торговом центре, где он работал, был огромный зал с детскими игровыми автоматами. И, значит, там, на дне ямы... Жерм покачнулся. Ему показалось, что его голова перекосилась от боли. Ему стало стыдно, что погибло столько детей, а у него всего лишь болит голова. Он хотел заплакать, но глаза оставались сухими, а мысли уплывали прочь. «На-

верно, – подумал он, – раз всё это произошло, то я совершил ошибку. Иначе – почему?»

Жерму почудился крик. Он напряг слух. И правда, поблизости кричали. Или стонали. Должно быть, громко, раз он это услышал. Жерм сделал пару шагов, и увидел, кто. Железно-стеклянная искорёженная конструкция, которая недавно была вращающейся дверью, застряла в куче обломков бетона, переломившись пополам. Внутри находилась девушка. Глаза её были закрыты, но она пошевелилась и издала ещё один громкий, булькающий хрип, от которого у Жерма тошнота подползла к горлу. Девушка лежала за стеклом, словно в прозрачном гробу. Губы её налились синевой, дыхание было частым и неровным. А в остальном она выглядела неплохо выше пояса, если не считать кровавых следов на одежде и стёклах. Но взгляд Жерма скользнул ниже и уткнулся в пятно белого цвета – видимо, кость – там, где её совсем не должно было быть. А рядом – дышащая, кровавая, шевелящаяся субстанция. Жерм стиснул зубы, чтобы не вырвало. Он видел, сколько крови вытекло вниз, на бетон. Девушку уже точно было не спасти. И где же, в конце концов, были медицинские дроны?

Жерму захотелось подойти и взять умирающую за руку. Он даже мог это сделать – в стекле было кривое отверстие в районе её локтя. Но Жерм стоял в странном оцепенении и не двигался с места.

Внезапно в воздухе появился дрон – блестящий моргаю-

щий огоньками металлический эллипсоид. Он завис над девушкой и начал произносить успокаивающие слова, сканируя тело своими лазерами. Но это было уже не важно.

Жерм почувствовал, как вздрогнул грунт под ногами. Он поднял взгляд и увидел, что огромная бетонная конструкция, которая ещё недавно была высотным зданием, кренится и падает прямо на него. На них, выживших ненадолго. «Вот и всё», – успел подумать Жерм.

2

Всё это неправда. Всё было совсем не так. Это просто картина, которую я вообразил в своей голове. Правда, с некоторых пор я знаю, что фантазии – это нечто вполне материальное, но речь сейчас совсем не об этом.

Я привык к боли, крови, смертям. Я много их встречал в жизни. И, когда читаешь на огромном экране сообщения о том, что на Гнате произошёл теракт, видишь страшные кадры и испуганных людей, в памяти всплывают другие погибшие, другая боль. Воображение рисует картины. Или, скорее, сны. Конечно, со временем боль притупляется, и, когда это осознаёшь, иногда вызываешь сам у себя отвращение.

А вот что никогда, наверно, не притупится, не ослабнет – это своя собственная боль, свои собственные чувства. В моём случае скорее наоборот, они будут становиться всё сильнее, всё мучительнее. Я тут в собственном кошмаре, на этой жаркой и душной планете Ибертао, посреди космопорта, одну стену которого занимает огромный экран, передающий новости. Лучше бы вместо этой стены они поставили больший вентилятор. Он крутился бы, как бешеный, и рубил насекомых в мясо. С хрустом. И этот хруст резал бы мне уши, а я б еле терпел... Так. Надо успокоиться. Я опять несу непонятно что.

Под моими ногами – блестящий чёрный камень, покрытый огненными разводами. Я вишу над огненно-чёрной бездной, но не проваливаюсь в неё. Кто придумал такой пол? Камень практически раскалён, я чувствую это даже сквозь толстые подошвы моих рабочих ботинок. Небо Ибертао, красно-жёлтое, клоками, нависает надо мной. Я не вижу его, потому что меня окружает железно-каменная коробка космопорта. Но я его чувствую. Оно висит там, жаркое, яркое, ослепляющее. Оно хочет меня проглотить и съесть. Так что, может быть, и хорошо, что я здесь спрятался. От неба, но не от жары. Сдаётся мне, что в этом чёртовом космопорте совсем нет вентиляции. Конечно – зачем прохлада ибертарианцам?

В зале стоит гул, как и везде, где есть толпа. Но гул на разных планетах разный. Я раньше не так сильно различал это. На Эгозоне гул громкий, но не резкий, слегка шелестящий. Люди разговаривают мягко, неторопливо. Один лезет в карман, другой роняет на пол книгу или пакет, шурша бумагой. Третий ходит взад-вперёд, чуть стуча ногами по полу или шаркая. Здесь таких звуков нет. Речь ибертарианцев более низкая, раскатистая, движения точнее, посторонних шорохов нет. Если кто и ходит, то по делу, при этом цокая копытами по камню. Камень здесь везде. При всём при этом я бы не сказал, что ибертарианцы умны. Совсем нет. Но вот инстинкты и здоровье у них на высоте. Поэтому и гул у них не такой размазанный, как на Моуди или Эгозоне. Даже не

гул, скорее гудение. Словно огонь горит да бурлит варево в котле.

От жары тяжело дышать. Ещё эта чёртова биомаска, облепившая лицо, сковывает движения. Я потею под ней, и чувствую, как кожа зудит невыносимо, и не знаю, как я вытерплю ещё пятнадцать минут в этой очереди. К тому же маска ещё и с бородой, по последней моде бурдианских наёмных рабочих. Ненавижу Бурдиан. Ненавижу Ибертао. Нет, я не расист. Я всех ненавижу одинаково, включая себя. Я сам виноват, что оказался здесь, в этом дурацком состоянии. И вирус, и инъектор, и маска, и сама моя служба – всё это, если подумать, последствия моих ошибок. Хотя и не только моих.

Когда Империя ещё была цела, казалось, что вся Галактика – это один сплошной цивилизованный мир. Теперь, на какой планете мне ни приходится находиться, везде натываюсь на отсталость. Тут, на Ибертао, до сих пор очереди в космопорту. Длинные, нестерпимые.

Жара! Когда она кончится? Не раньше, чем я покину эту проклятую планету. Не раньше, чем отстою эту бесконечную очередь. Я тут как на сковородке. И глаза мои выжигает яркий свет из окон. И свет ненавижу. Глаза режет всё – надписи, этот чудовищно яркий экран, красные рогатые твари вокруг. Ну, не твари, погорячился. Местное население.

Прямо передо мной в очереди стоит местный. Высокий, с блестящей красной кожей, мощными рогами. Ему жара ни почём, он привык. На верхней мускулистой части тела наде-

то нечто вроде сбруи из ремней, на ней множество петелек и карманов. Из них торчат предметы. В одном кармане каменный инструмент, в другом – металлическая загогулина, похожая на орудие пыток. Впрочем, возможно, это оно и есть, кто же его знает. Ибертарианец, чувствуя мой взгляд, поворачивает голову на толстой шее. Рога покачиваются, выражение лица надменное, тёмно-кровавые губы пухлые, сжатые плотно. Он секунду косится на меня, но тут же отворачивается. Его сородич за стойкой неторопливо просматривает лица отбывающих. Почему же так долго?

Мне уже пора принимать таблетку. Но не здесь же, не сейчас. Придётся подождать. Очередь движется, хотя и медленно. Я разглядываю ибертарианца за стойкой. Рога его обмотаны белыми тряпочками сумоку в честь уважения к гостям. Так многие делают из услуги. Как будто тряпочки защитят от рогов в случае драки. Я видел ибертарианцев в драках, тряпочки тут не помогут.

Но лучше бы тот за стойкой в знак уважения к гостям шевелился чуть побыстрее. Его яркий красный цвет злит меня. От этого у меня тоже есть таблетка. У меня есть таблетки от всего. От резкого света, от ярких звуков, от громких запахов, от гнева. Вот от жизни таблетку мне не прописали. Поэтому приходится терпеть.

Очередь всё-таки ползёт. Передо мной остался всего один. Но и с ним долгая возня. Клерк за стойкой просматривает документы на экране компьютера, сверяет фотогра-

фию с лицом того, кто стоит перед ним. О Крест, как можно в наше время делать это вручную? Распознавание лиц существует уже лет пятьсот, если не больше! Но у них здесь, на Ибертао, каменный век.

Я смотрю за спину служащего. Там ходят ленивые ибертарианцы из штата космопорта. Но они не желают занять ещё одно место за стойкой и открыть вторую очередь. Им плевать. А под потолком, в самом конце зала, висит светильник. Яркий, мерзкий. У него металлический блестящий плафон. На нём светится точка. Но это не просто точка. Это отражение компьютерного экрана.

На таком расстоянии обычный человек точно не смог бы ничего разглядеть. Но мои чувства обострены, усилены. Эта точка будоражит мой мозг даже с расстояния в пять метров.

С местным передо мной закончили, его пропустили. Моя очередь. Протягиваю карточку-идентификатор. Чиновник вглядывается в компьютер. Ну, чего смотришь? По документам я Залифедар, прилетел с Бурдиана на заработки. Старюсь ослабиться по-бурдиански. Но чиновник поднимает на меня взгляд и нахмуривается. Что такое?

Я вглядываюсь в точку на плафоне. И понимаю, что на ней изображено. На мониторе – моё лицо. Не то, которое на биомаске. Моё собственное.

Дорт! Дважды дорт! Я, слабо понимая, что делаю, спешно сдираю с лица маску. Она шипит и попискивает от боли, ну да чёрт с ней. На низших искусственных существ закон о

защите прав в полной мере не распространяется.

Чиновник изумляется, затем вдруг неожиданно расплывается в улыбке.

– А, это шапка у вас такая? – глупо спрашивает он.

– Да, – подтверждаю я. – Шапка, точно.

– Забавно, – говорит чиновник. – Проходите.

Я, не веря своему везению, быстро двигаюсь в открывшиеся дверцы прохода. По лицу бежит пот. И не только от жары.

3

Давайте-ка я вам кое-что объясню. Агент безопасности – это не просто один человек. Это как музыкальная группа. Команда людей, где каждый делает своё дело. Один играет на румпешнолле, другой на баяне, третий на додекайзере. У меня, кстати, был случай попробовать играть на додекайзере. В конце учебки, когда у нас уже появлялось немного свободного времени, я оказался в гостях у одной девушки, рыхлой, мясистой, интеллигентной. Её отец играл в оркестре второго инвалидного дома Империи. Дома у них лежала куча всякого музыкального барахла, в том числе простенький додекайзер. Когда я его увидел, мне сразу захотелось попробовать. Не знаю, почему. Может быть, выглядели соблазнительно глубокие тёмные отверстия для пальцев, а может, потому, что он привлекательно сверкал в полумраке.

Он стоял, прислонённый к стулу возле зашторенного окна. Моя тогдашняя влюблённость храпела на кровати, раскрыв рот и пуская белую слюну на подушку. А я выбрался из-под одеяла, подошёл к додекайзеру, взял его в руки. Он был солидным, приятно увесистым, производил впечатление добротной вещи. Я запустил пальцы в отверстия, нащупал клапана. Приложил к губам свисток и дунул. Я совсем не подумал, что додекайзер, особенно если в него подуть, изда-

ёт очень громкие звуки. Встречались мы тайно от родителей девушки, которые спали наверху. В общем, это было моё последнее свидание с ней.

Так. К чему это я? А, ну да. Команда. Агенты. Вся эта секретная чушь, которую показывают в фильмах. В тех, где бегают изящные качки с железными гульфиками. На самом деле, агенты – обычные люди, как и все. Да, отобранные, чуть более тренированные, имеющие некоторые специфические навыки, но в общем, ничего выдающегося. Я, к примеру, так и не научился играть на додекайзере, и не уверен, что смог бы. Пальцы у меня длинные, как положено, но довольно неуклюжие. С моторикой у меня ещё в учебке были проблемы, а тут надо играть двумя руками совершенно асинхронно, и мне кажется, что это вообще невообразимо сложно... Тьфу. Опять я не о том.

Я просто хотел сказать, что успех операции определяется слаженностью работы огромного количества людей. Один готовит оборудование, другой удалённо сопровождает, третий обеспечивает уход.

Операция на Ибертао была, конечно, довольно нестандартной, хотя всё это верно и для неё. Как всегда, всех деталей нам не говорили. Но задача была ясна, а обо многих подробностях можно было догадаться из открытых данных и слухов. Планета до известных событий входила в Лигу Свободных Доменов, а теперь оказалась в Содружестве, как и миллионы других планет. Ибертао была богата ресурсами,

плотно заселена и довольно перспективна. Вот только уровень преступности тут вырос намного выше среднего. Президент планеты был, как говорят, неплох, но мафия крепла и давила его со всех сторон, так что он постоянно обращался за помощью к Содружеству. Главой мафии по нашим данным был некто Пертубарт, официально видный бизнесмен и филантроп, но существенная часть его доходов происходила от банд, грабящих корабли, торговли зелёным сахаром, запрещёнными вирусами и прочими товарами, которые не продаются в магазинах. Доказать это было сложно, схемы по отмыванию денег были нетривиальные – видимо, роботы-аналитики Пертубарта были не хуже тех, которые состояли на службе Сил Безопасности. Зато наши роботы-аналитики придумали решение, которое было самым эффективным в данной ситуации. Они просчитали все варианты, промоделировали последствия и постановили, что Пертубарта нужно физически устранить. Иначе, говорили они, он выдвинется на следующих выборах и легко захватит власть на планете. А там уж вообще начнётся такое, что вся Галактика вздрогнет.

Решение, может, и было эффективным, но, как известно, лишение жизни разумных существ – это тягчайшее преступление в известной части Вселенной. А кто у нас делает всё самое незаконное под эгидой Содружества? Правильно, мы, Силы Безопасности. Только не говорите никому, а то вдруг никто не знает, и я выбалтываю государственную тайну. Шу-чу, конечно. Пытаюсь шутить. Хотя весёлого мало.

Ну, так вот. Было решено убить Пертубарта. Тихо, чтобы никто не связал смерть с властями Содружества. С тех пор было две попытки. Первая – с помощью практически невидимых летающих роботов-экосимов. Экосимы были уничтожены при подлёте к резиденции Пертубарта. Группа, которая запустила их, не вернулась с планеты, и местная резидентура сообщала, что их изуродованные трупы позже нашли среди экспонатов в музее древностей. Шума поднято, как ни странно, не было, поэтому после некоторой паузы послали вторую группу. Им удалось заслать в резиденцию разведчика, который передал, что приблизиться к Пертубарту практически невозможно. После этого сообщения никаких сведений о разведчике не поступало, и группа послала ещё одного. Что дальше произошло с группой, осталось неизвестным. Не нашли ни тел, ни следов их пребывания на планете. Казалось бы, что нужно было делать дальше Силам Безопасности? Набрать новый отряд из самых крутых агентов, снабдить их самым совершенным оборудованием, тщательно подготовить, потратить полгода на разведку и выработку плана, а потом решительной операцией...

Ничего этого не было. Послали ошмётки группы, оставшейся после предыдущих заданий, просто потому, что они находились поблизости и могли легко совершить гиперпрыжок к Ибертао. Группа состояла из трёх человек – агента-инвалида, то есть меня, ничем не выдающегося боевика и новичка, только что закончившего учебку. Оборудования нет,

времени на подготовку ноль, максимальный срок выполнения – десять дней. Правда, обещали хорошую удалённую поддержку.

Я спустился на Ибертао один. Почти неделю потратил на то, чтобы следить за резиденцией Пертубарта. Это и правда была крепость. Три этажа сверху, тридцать под поверхностью. Охраны невероятное количество, из местных. Правда, ни роботов, ни сканеров. Просто боевики с бластерами и винтовками. Сам Пертубарт почти постоянно на подземном этаже, снайперу не достать. Экосимов и дронов распознавали с помощью датчиков движения, и, если охранникам чудился любой шум, начинали палить почём зря. Собственно, ни экосимов, ни терминалов у нас с собой и не было.

Однако лазейка нашлась. Оказывается, в резиденции Пертубарта шёл постоянный ремонт. Красили стены, меняли ковры, прокладывали кабели. Вешали картины, расставляли вазы. Пертубарт любил шик, и своё подземное обиталище преобразовывал перманентно, тратя на это солидную долю своих преступных доходов. Каждый день в резиденцию приходили рабочие. Пускали их по спискам, сверяли лица с фотографиями, дальше сопровождали на место работы, а по окончании провожали обратно.

Досмотр на прилёте я проходил как есть, без грима. Штатные хакеры Сил Безопасности взломали базу данных космопорта и записали меня как консультанта по электронным системам опустошения труб. По новой стандартной процедуре

– дурацкой и нелогичной, кстати – вылетать я должен был под другой легендой. Для этого у меня с собой был синтезатор ДНК и питательная среда. Так что я в любом случае собирался выращивать биомаску. Но теперь речь шла о том, чтобы вырастить две. Осталось подобрать доноров. Я потусовался в баре неподалёку от резиденции. Познакомился с парой рабочих. Один подходил мне по росту и комплекции – был невысоким, худым, но жилистым. Я напичкал его чиджанкой, так что язык у него совсем развязался, и к концу вечера я уже знал, что его зовут Аламиорст, что он ненавидит власти во всех проявлениях, любит эротические ужасы, а также обожает учить всех, как правильно покрывать стены сурдолаком и крепить на них кронштейны для картин. Самому мне пришлось жевать вместо чиджанки наполнитель для биотуалета, поскольку я должен был оставаться трезв. Потом я повёл Аламиорста, поддерживая, в его дешёвый отель, где погрузил с помощью катализатора в глубокий сон на пару суток.

Взяв у него образец ДНК, я использовал его в синтезаторе и за ночь вырастил вполне приемлемую маску. А также вторую, для отлёта, сгенерировав и отослав параметры хакерам. Маски вели себя прилично, повиновались, так что не потребовалась даже дополнительная дрессировка. Распечатал карточку-идентификатор. Прослушал записи его разговоров, потренировался ему подражать. И отправился в резиденцию.

В общем, там всё прошло на удивление легко. На входе меня обыскали и отвели в комнатку, где я час красил сурдолаком стену, а оставшееся время ждал, когда мне доставят новый. Перекинулся парой несущественных фраз с другими рабочими, сходил в туалет. Порылся там в мусорном бачке. Вечером ещё немного покрасил. Попререкался с управляющим по поводу цвета. Потом тем же путём вышел. В номере гостиницы, где лежал мой усыпленный двойник, с помощью синтезатора ДНК проанализировал биологические пробы, взятые из мусора, сгенерировал по ДНК внешний вид их обладателей. На одной из салфеток оказалась слюна Пертубарта. Это позволило мне синтезировать яд, который избирательно должен был отравить только его.

На следующий день я снова отправился в резиденцию. Однорогий охранник с перекошенным лицом остановил меня на входе.

– Ну-ка, Фалотрам, пощупай его получше, – сказал он второму. – Он мне кажется подозрительным. Сдаётся мне, он ствол в заднице проносит. А может, и целый корабль. А ну, раздвинь ноги!

Это последнее относилось уже ко мне. Я недовольно буркнул для вида и раздвинул ноги. Фалотрам ощупал всё моё тело, уделяя нарочитое внимание ягодицам. Все охранники во Вселенной шутят одинаково. В общем, я и сам недалеко от них ушёл. У меня тоже весь юмор «сексуально-пердельный». Но я работаю над собой... Очень странно, что в чисто

мужских коллективах типа нашей учебки все шутки постепенно приходят к уровню ниже пояса. Отчего так? Короче говоря, яд я спрятал в тонкой трубке в подкладке рабочей одежды, так что его не нашли.

Из докладов предыдущих групп нам было известно, что еду Пертубарту готовят внутри резиденции, но где именно и кто, я не знал. Возможно, это и было бы проблемой, но мой нюх меня выручил.

О, сколько там было запахов! Резкий, жарено-прогоркший, шёл снаружи. Это охрана, дежурившая у входа, притащила из убогой забегаловки сэндвичей с мартангом. Сверху, с наружных этажей, доносилась кисловато-пресная вонь распаренной травы улькъян, смешанная с жарким сухим духом свежей выпечки и островатыми оттенками луата. Это была столовая для персонала попроще. А вот снизу, совсем рядом, расцветали диковинные ароматы экзотических приправ, насыщенно-изысканный запах супа толоноки и чуть слышная, манящая нотка обескровленного цулифатора. Это явно была кухня, где готовились блюда для большого начальства и самого Пертубарта.

Итак, я знал, что кухня находится недалеко, этажом ниже и пару помещений вбок. Но как туда добраться? Очень легко, когда ты строитель и у тебя есть современное оборудование. Два негромких чпока молекулярным экстрактором – и я убрал две стены, а потом проделал круглую дыру в полу.

За ней я нашел кухню, где никого не было, только буль-

кало несколько кастрюль. Спустившись по строительной измерительной леске, я добавил в каждую кастрюлю яда и тихо удалился, не забыв быстренько заделать дыру в потолке и вернуть стены на место. Яд начинал действовать через 3-4 часа, вызывая разрушение сердца. Так что, когда я выходил на улицу вечером, как раз только начиналась первая суета.

Я вернулся в гостиницу, поменял маску на другую и переделся. Приблизившись к резиденции, убедился, что возле неё стоит медицинский вертолёт, а затем направился в космопорт. Хакеры из Сил Безопасности должны были поместить данные на несуществующего Залифедара в базу данных космопорта. Но, видимо, один из них ошибся. Бывает. Я же говорю, агенты – это как музыкальная группа. А я так и не научился играть на додекайзере...

Вот эти мысли – они как фон. Они мои, но я вижу их со стороны, пока иду к выходу из космопорта. Я не должен терять бдительности, поэтому основная часть моего сознания постоянно ощупывает пространство. Я ищу возможности отхода, замечаю подозрительных людей... Впрочем, в данном случае заметить нетрудно.

Яркое пятно в середине зала колет мой взгляд, заставляет шуриться. Огненно-рыжая взлохмаченная шевелюра на длинной тонкой шее. Бледное худое лицо, усеянное веснушками. Чисто выглаженная белая сверкающая парадная форма. На одном боку висит бластер, на другом – меч.

Дорт! Даже не дорт! Это же просто дорт-мунд!

– Иблик! – шепчу я, приблизившись. – Какого лешего ты здесь делаешь?

Он сначала начинает улыбаться, потом, поняв, что я недоволен, нахмуривается.

– Я вас... Я искал вас, господин ыкс-майор...

– Быстро назад в свою капсулу! – командую я. – Пока нас вместе не засекли.

Он суетливо разворачивается на месте и идёт своей дорогой, а я своей. Боже мой, что за идиот! Так и проваливаются операции.

Зи Иблик, лейтенант, появился в моей жизни внезапно. Собственно, когда я получил от Апулинафи приказ лететь на Ассолейк, то начал набирать группу. У нас в СБ это построено своеобразно. Мы подбираем личный состав через компьютер, в котором хранятся зашифрованные данные. Каждый человек, который свободен для задания, обозначен кодом. Коды меняются, но обычно мы их знаем, их доводят по спецсвязи отдельно. И вот я просматривал список людей. Все были отмечены разным цветом – кто свободен надолго и без ограничений, тот зелёным, те, у кого уже есть запланированные операции – коричневым, агенты с медицинскими и прочими особенностями – оранжевым. И вдруг натыкаюсь в списке на незнакомый код «Ломтик», выделенный красным цветом. Удивляюсь, захожу в него посмотреть. Читаю зашифрованные детали, понимаю, что человек мне не знаком, да ещё и без опыта. Закрываю. И тут у меня звонит телефон.

Я снял трубку и услышал голос Зиберта.

– Привет, – сказал он и замолчал, ожидая реакции от меня.

– Привет, – ответил я и тоже замолчал, слушая его хрипловатое дыхание.

– Ну как? – спросил он спустя минуту.

– Что ты имеешь в виду? – спросил я. – Если ты про мою рану на ноге, то я её уже совсем не чувствую. И колено сгибается нормально, если не обращать...

– Я не о том, – перебил Зиберт. – Видел данные новичка?

– Видел, – сказал я. – Только не понял, почему он выделен красным. Что означает красный цвет? Я должен его бояться? Или за ним много кровавых преступлений? А может, он склонен к излишней скромности?

– Да нет, – сказал Зиберт. – Это я его выделил. Это значит, что ты должен взять его в группу.

– Что значит «должен»? – я был удивлён и даже, пожалуй, немного возмущён. – Разве я не имею права сам принимать решения?

– Имеешь, – сказал Зиберт и снова замолчал.

– Ну, так почему же я должен его взять? – уточнил я. – Он умеет читать мысли на расстоянии? Или у него отдельное задание, и он под прикрытием? Назови причину.

– Ну, скажем так, он закончил учебку с отличием, – сказал Зиберт.

– Помнится, – сказал я, – ты, Зиберт, рассказывал, что ты и сам в своё время окончил учебку с отличием. Тебя тоже надо пометить красным и взять на задание?

– Нет, – ответил Зиберт. – Я слишком стар. Да и дел у меня без этих заданий хватает. А если я просто скажу, что прошу тебя этим оказать мне услугу? По старой дружбе.

– Ну, – сказал я, – честно говоря, я имею право выбирать сам... Не то чтобы мне было это сложно сделать, Зиберт, но я не хочу ослаблять группу. Что с ним не так?

– Всё с ним так, – сказал Зиберт. – Иначе бы я тебе его не предлагал.

– Но почему? – не понимал я. – Ведь так много хороших агентов с большим опытом. Да и учебку в этом году закончили десятки парней. Почему я должен выбрать его?

– Просто возьми, – сказал Зиберт. – Думаю, он не подведёт.

И потом он повесил трубку.

Мне это не понравилось. Во-первых, это было совершенно не в стиле Зиберта. Никогда он никого ни о чём не просил. Тем более вот так, пользуясь давним знакомством. Во-вторых, я не понимал тайного смысла этой просьбы. Я не люблю загадок. Они не дают мне покоя. Но я решил тогда, что рано или поздно узнаю, в чём тут дело.

Я увидел Иблика живьём, только когда группа готовилась к отлёту. Впечатление он на меня произвёл скорее жалкое. Я не мог поверить, что этот тощий бледный паренёк был отличником в учебке. Как он нормативы сдавал? Но я решил дать ему шанс. Тем более что группа была тогда большой, семнадцать человек, и если бы один оказался никчёмным, то это не должно было слишком уж сильно навредить.

В деле Иблик себя показал, в общем, неплохо для новичка. Он не ныл, не болтал лишнего, спокойно переносил труд-

ности. Не боялся стрельбы и крови. Первая же наша миссия оказалась боевой. И Иблик вместе со всеми мочил врага, при этом отличаясь хорошей точностью и отсутствием ненужной кровожадности. В общем, я перестал жалеть, что его взял. Но иногда случались у него некоторые странности. Можно было бы сказать «ошибки», но до сегодняшнего дня они обходились без последствий. Один раз, например, на нас поперли толпой Синие Тарзы. Мы сидели в засаде, ожидая торговцев оружием. И тут лезет толпа разнокалиберных монстров. Спрыгивают со скал, вылезают из щелей, блестя на солнце. Огрызаются, скалятся, хватают камни и кидают в нас. А если бы подобралась близко, пустили бы в ход зубы и когти. И что делает Иблик?

Он начал всех потихоньку отстреливать. И всё бы ничего, только самого большого и зубастого, который подобрался к нему вплотную, он не тронул. Стрелял мимо будто нарочно. Пришлось мне достать меч и разобраться с Тарзом. Потом я спросил Иблика, почему он его не убил. Говорит, хотел оставить вам, ыкс-майор. И странно улыбается. Хотя, если бы не я, через секунду остался бы без этой рыжей тупой башки.

В другой раз было ещё более странно. Нас послали на Пернги. У меня с этой планетой свои счёты, но сейчас я о другом. Миссия была несложной. По сути, пообщаться с местным населением, собрать мнения. Открытая разведка, как сказал Апулинафи. С какой целью, точно не знаю, да и знать не хочу. Часто попадаются задания, которые выглядят

пристойно, а если начинаешь искать подоплёку, то выясняется, что это дело грязное, подлое, и если бы ты знал, зачем это делается, то, возможно, и участвовать бы не захотел. А если принять как аксиому, что приказы незачем обсуждать, что начальство всегда лучше знает, что требуется, то работать намного легче, да и спится крепче. О чём я? А, да. Мы должны были собраться на корабле и вылететь в 6 утра. Утром проверяю личный состав – Иблика нет. Вызываю по радио – молчит, связь отключена. Спрашиваю, кто его видел вообще. Оказывается, никто. Как ушёл два дня назад, так и пропал.

В принципе, на такие случаи у нас есть инструкция, как действовать. Вообще говоря, даже несколько инструкций. Чуть ли не каждый год выпускали новую. Сначала рекомендовалось своих не бросать во избежание утечки информации, всеми силами искать, спасать и эвакуировать. Потом появилась инструкция о наказаниях за такие случаи во избежание рецидивов. Но на тот момент как раз действовало указание улетать при необходимости, оставляя для опоздавших средства выживания и отсылать их данные патрулям, чтобы по возможности забрали. Я подождал несколько часов, благо что спешки не было, а потом приказал собрать бокс с пайком, радиомаячком и средствами самообороны. Выходим из корабля, чтобы заложить его недалеко от места стоянки, и сталкиваемся в лесочке с Ибликом.

У меня было впечатление, что он и не собирался на корабль. Я на него сначала наорал, потом успокоился и стал

расспрашивать. Но он ничего внятного не объяснял. Говорит, общался с местными, забыл про время. Предоставил отчёты о добытой информации. Ему никто не поверил, но вытянуть правду у меня так и не получилось.

В общем, были и другие случаи, которые мне не запомнились, поскольку остались без последствий и казались безобидными. Я вообще привык, что он меня постоянно раздражает, и старался сдерживаться. Одной из невыносимых привычек были книги. Он постоянно их читал. Проглатывал по книге в день. В разных местах, в разных позах. Причём почти всегда это были бумажные книги, не электронные. Ума не приложу, где он их доставал. Возможно, у букинистов, но не на каждом же углу встретишь торговца бумажными книгами. А у Иблика книги были всегда. Потрёпанные, с вываливающимися страницами, оторванными корешками, пропахшие затхлостью. Читал он, как мне казалось, всё подряд. Иногда всякую заумь вроде «Психологии пустоты» Зафдля, а иногда и ширпотреб наподобие Луаруса. Читал и на заданиях, и на дежурствах, что уставами запрещалось, но я не хотел придирааться напрасно. К тому же он был начеку, то есть при первой же необходимости реагировать он книжку откладывал или даже ронял куда придётся и принимался за дело. В общем, я считал, что привычка простительная.

Если уж быть до конца честным, я не ругал Иблика за книги ещё и потому, что узнавал в этом его увлечении себя. Раньше, до Киноса, я тоже любил читать. Читал и на служ-

бе, и во время дежурств. Правда, по большей части беллетристику. Приключения, детективы, юмор. И в электронном виде, потому что бумажные книги считал неудобными, да и дорогими. Ширпотреб вроде Рудого всегда стоил в электронных библиотеках копейки. В общем, в молодости я вёл себя похожим образом, так что относился к слабости Иблика с пониманием.

Но то, что произошло сейчас – это верх глупости и непрофессионализма. Потому что совсем недалеко, окружённое разозлёнными наследниками, в подземной крепости остывает тело Пертубарта. И наверняка станут искать виновных, потому что у здорового ибертарианца в сто тридцать четыре местных года почти никогда просто так не останавливается сердце. И всё странное, что увидят вокруг, будет казаться им подозрительным. А что может быть подозрительнее, чем человек в спецовке бурдианца, к которому в космопорту подходит вооружённый лейтенант Сил Безопасности Содружества? Я двигаюсь к выходу на взлётное поле, зная, что на меня смотрят объективы семнадцати камер. Каждый блестит, выжигая мой взгляд, раздражая, покалывая, будоража воображение. Дорт!

Я просыпаюсь в темноте. Правда, для меня она не темнота. Она – это серый свет, утыканный яркими огоньками светодиодов от пульта каюты. Я прикрываю глаза рукой, чтобы немного прийти в себя. И слышу звуки. Наверху, в рубке, по креслу ёрзает Анс. Пластик скрипит, как лопер, которому наступили на хвост. Анс тяжело дышит. Видимо, хочет спать. Он всё время хочет спать во время вахты.

В кают-компании Иблик оглушительно шуршит страницами. Я принохиваюсь. Точно. До меня доносится затхлый запах старой бумаги. Должно быть, в руках у Иблика устав, который он взял на время в библиотеке базы, да так и не вернул назад.

Я открываю глаза. Стараюсь терпеть свет. Немного поморгав, беру в руку мобильник, простенький пластмассовый кирпичик без кнопок, зато с экраном во весь телефон. Яркость у него убавлена до минимума, но я всё равно еле могу смотреть на экран. Разбираю время. Пора вставать. Скоро должен выйти на связь Апулинафи.

Я спускаю ноги с кровати. Голова кружится, вена на шее, зажата в инъекторе, пульсирует. Я встаю. В металлической двери шкафа отражается мрачная уродливая фигура. Это я.

Совсем недавно я был пусть невысоким, но ладно сло-

женным, накачанным мужчиной, которому можно было дать лет тридцать. Сейчас я худой, костлявый, под бледной кожей проступают иссохшие причудливо бугристые мышцы. Небритое лицо в рытвинах, как морщинистая кора дерева. Глаза блестят в темноте, намекая на приближающееся безумие. Впрочем, если умыться, побриться, пригладить клоки жёстких поредевших волос, то вид станет намного лучше. Может быть, и безумие отступит.

Я надеваю лёгкие шлёпанцы и ковыляю в сторону санузла. Рубка давит. Со всех сторон огоньки, писки, шорохи. Каждый электронный прибор считает своим долгом моргнуть мне светодиодом, погудеть конденсатором, приветственно дунуть вентилятором. А приборов уйма. Качают воздух, поддерживают микроклимат, отслеживают параметры моего здоровья. Если это можно назвать здоровьем.

Когда человек здоров, разве он чувствует себя так? Сиплое дыхание наполняет мои лёгкие, и я чувствую их, хотя, говорят, в лёгких нет нервных клеток. Они напоминают мне дырявые бумажные мешки, которые надуваются и вот-вот лопнут. Голова – бездонный чан, в котором болтаются мысли. Чан старый, ржавый, на стенках остатки протухшей еды, склизкие, вонючие.

Я скидываю с себя мягкий ночной комбинезон и ступаю в душевую кабину. Подношу руку к сенсорной панели. Снова приходится жмуриться, она вспыхивает ослепительно, свет пробивается сквозь веки и жжёт мне глаза. Меня пытается

мучать весь мир вокруг. Вода, вырываясь из рассекателя над головой, ошпаривает. Я терплю, но пальцы уже нащупывают нужное место на экране, чтобы уменьшить температуру. Наощупь, потому что глаза от света совсем ничего не видят. Вода становится прохладнее. Стою под ней. Чувствую каждую каплю в этих струйках. Они как водопад, бегут по коже, давят, ломают, массируют. Пытаются сгладить бугры мышц, сломать мои кости. Много ли мне надо? Мне так неуютно от этих струй, что, кажется, пусти воду чуть сильнее, и я развалюсь под её напором.

Хватит. Выключаю воду. Полотенце как стальная щётка. Причиняет коже боль, колет, режет, дерёт. Я устал. Теперь бы снова лечь спать. Но, к сожалению, меня ждёт служба.

6

Когда я себя чувствовал хорошо в последний раз? Я отлично помню, когда. И где. Планета Кинос, девять лет назад. Тогда, после известных событий, я был несколько дезориентирован. Или сбит с толку. Или потерял чувство реальности. Можно назвать по-разному, но суть остаётся одной. Мне вдруг стало тяжело жить, из ниоткуда взялась тоска, и я сам не мог разобраться, в чём причина. Один мой знакомый однажды сказал: «Если человек в свои тридцать лет ещё не был на приёме у психоаналитика, значит, ему пора к психоаналитику». На тот момент я ещё не был. Видимо, было пора.

На Кинос я прибыл не в лучшей форме. К тому же начальству моему уже было доложено, что я «засветился», и мне грозил в лучшем случае перевод в ыкс-майоры, а в худшем – списание на покой. И вот я прибываю на Кинос. Задание длительное, с внедрением. Я ещё достаточно молод, но опыт уже приличный, хотя самонадеянность всё-таки никуда не делась.

Если не вникать в подробности, я должен был раскрыть заговор. Тогда бурлило везде. Никто не понимал, что происходит в разваливающейся Империи, которая проиграла войну. Некоторые считали, что понимают. А кое-кто даже считал, что знает, что делать. Очень многие миссии тогда заклю-

чались в том, чтобы выявлять сепаратистов или заговорщиков. И на этот раз – выявить всех участников, собрать доказательства. Нетипичное задание для меня, не очень приятное. Но я взялся за него с энтузиазмом. Данные были переданы в штаб. Мои люди были посланы заметать следы, и через несколько часов мы должны были улететь.

Я же расслабился. В кафе играла музыка. Странная, какую любят на Киносе. Мелодичная, но при этом режущая ухо за счёт дребезжащих сэмплов. Меняющая громкость в самый неожиданный момент. Я сидел за столиком, один, допивая чай, и ждал счёта. Всё ещё мысленно наслаждался вкусами поглощённых изысканных блюд. В кафе царил полумрак, людей было мало, а про другие нации и вовсе говорить нечего – на Киносе чужаков никогда не любили.

Я осторожно, будто боялся шуметь, поставил опустошённую чашку на блюдце и оглянулся в поисках официанта, а когда снова посмотрел вперёд, увидел напротив себя человека. Объёмная курчавая чёрная шевелюра делала его голову огромной, непропорциональной, хотя сам он был ниже меня. Я знал его. Он был одним из тех, на кого я недавно отправил донос. Главным организатором заговора. Нечи Ваиду.

– Вы позволите к вам присоединиться? – спросил он, улыбнулся нервно, а глаза с вертикальными зрачками-щёлочками стрельнули в меня и снова устремились вдаль.

– Да я уже закончил, – ответил я.

– Я знаю, – сказал Ваиду. – Я много времени не займу.

У вас же, майор, есть пара часов, которые некуда деть перед отлётом.

Я вздохнул. Наследили мы, значит. Впрочем, я готов был выслушать его. Может, сболтнёт такое, что надбавит ему срок в тюрьме. Или, в конце концов, и правда, расскажет любопытную вещь. Одно из правил разведчика – дай врагу выговориться. У тебя будет время подумать, получишь информацию. Главное – глядеть при этом в оба.

– Знаете, – сказал он, – я, собственно, предполагал, что всё это примерно так закончится. Невозможно бороться с глупостью в одиночку, когда против тебя целый аппарат чиновников, тайных агентов, боевиков.

Он повёл своей шеей, словно ему было душно в его модном толстом свитере.

– Но я не мог просто остановиться и бросить своё дело, – продолжал Ваиду. – Потому что я, в отличие от вас, уверен, что поступаю правильно. То, что творится на обломках Империи – это очень плохо. Сейчас вы этого ещё не понимаете. Но через несколько лет станет очевидно, что власть вырождается в абсолютное зло. Сейчас они выглядят смешными и нелепыми, а скоро станут казаться зловещими. Я ничего не имею против наместника, но он глуп и во всём верит Содружеству. А я думаю, что у Киноса другой путь.

– От меня вы чего хотите? – спросил я. Тогда я был ещё немногословен, не то, что сейчас.

– От вас, майор – ничего, – сказал Ваиду. – Просто объ-

ясниться напоследок. Я никуда не убегу, буду бороться до последнего. Я хочу сделать из Киноса оазис. Оазис свободы и свободных людей. Может быть, он переживёт эту засуху. Знаю, что вы сейчас думаете. Что через пару дней полиция Содружества арестует меня, и все мои мечты погибнут. А я вам скажу так. Это совершенно неважно. Каждый должен до самого конца делать своё дело, если он считает, что оно – правильное. И потом, найдутся те, кто продолжит за меня. Что, думаете – нет?

– Думаю, да, – сказал я. – Но разговаривать со мной на такие темы бессмысленно. Не я принимаю решения.

– Я знаю, – Нечи усмехнулся, зрачки его вспыхнули зелёным и снова превратились в чёрные щёлочки. – Вы исполняете приказ. Но я слышал про вас всякое... Вы не такой, как многие другие. Я знаю, как вы участвовали в конфликте с Лаками, как вы нарушили закон во имя спасения планеты. Я ценю это. И хочу заронить в вас немного сомнения. И ещё кое-что заронить...

– Мне пора идти, – сказал я, снова оглядываясь в поисках официанта.

– Подождите, – сказал Нечи. – Я ещё должен кое-что вам сказать. Это займёт пару минут. Понимаете ли, я тоже не такой как все. Я это знаю. И иногда, мне кажется, я должен... Я имею право наводить порядок. Если уверен, что знаю как. Мне это начинало надоедать.

– Послушайте, – перебил я, поморщившись от резкого по-

вышения громкости в звучащей композиции. Инструменты резали уши. – Есть законы. Если вы нарушаете их, вы несёте наказание. Всё просто.

– Вы тоже нарушали законы, – сказал Нечи. – И неоднократно. А уж что касается Сил Безопасности, то это просто незаконная структура. Она нарушает Галактический свод законов каждую минуту. Но я думаю, что сейчас вас должно волновать совсем другое. Не я. Вы ничего не чувствуете?

– Простите? – я насторожился, но не мог понять, что он имеет в виду.

– Я знал, что вы придёте в это кафе, – сказал Нечи. – Вы уже несколько раз здесь появлялись, и я понял, что вам здесь нравится. У меня есть некоторые знакомства, и я попросил разрешения посмотреть кухню. Знаете ли, тут всё так старомодно. Подносы с номерами столов, чайники с крышечками... Вы слышали когда-нибудь о вирусе Уннга?

– Нет, – сказал я, и тут у меня заболели глаза.

– Понимаете, – сказал Ваиду, уставившись в стол, – когда я узнал, что нас предали и о нашей подготовке известно властям, я понял, что дело проиграно. Слишком неравны силы. Да и не хотим мы открытой драки, это не в наших правилах. Мы стараемся действовать, где возможно, в рамках закона, и уж, во всяком случае, избегать ненужных жертв. Но тогда – неделю назад – я задумался, а чем я могу на это ответить? По моим каналам я узнал, что группу Сил Безопасности послали добывать информацию, и что вы её возглавляете. А вы

всегда были для меня примером честного человека. Честного, несмотря на место своей службы. И во мне родилось возмущение. Я решил отомстить вам. Лично вам. Сделать хотя бы мелкую пакость. Знаете ли, вирус Уннга передаётся только через пищеварительную систему...

Я на секунду застыл. До меня дошло.

– Удивительно, – сказал Ваиду. – Мы создаём суперроботов, телепортационные установки, летаем по гиперпространству, но до сих пор существуют болезни, которые мы не умеем лечить.

Я встал, с грохотом уронив стул. Нога моя, слегка задев о металлическую ножку, отозвалась резкой болью. Голова закружилась. Я не мог стоять. Ступни, обутые в гражданские туфли на резиновых стяжках, свело от неудобства, точнее, от того, что на них снизу со всей тяжестью моего тела давил пол.

– Что вы сделали? – спросил я, и звук моего голоса резанул по ушам, заставил сморщиться.

– Должно быть, я сделал глупость, – сказал Ваиду, вставая. – Но я счастлив, что для вас всё так кончается. Впрочем, я слышал, что были случаи, когда человек остаётся жить с этим вирусом ещё долго. Два или три таких случая... Прощайте.

Я заваливался на бок. Болело всё. Я чувствовал своё тело изнутри. Его било током. От ударов сокращались мышцы, напрягаясь, рождая судороги, пытаюсь оторваться от костей.

Суставы хрустели, ныли, прокручивались, в груди оглушительно и пугающе ухало сердце, шелестела горячая обжигающая кровь по сосудам.

Я хотел достать флистер, но палец, дотронувшись до кобуры, будто обжёгся, я вздрогнул и по всему телу побежала боль – волной, по мышцам и нервам, накапливаясь, собираясь в ком и ударив оглушающим разрядом в мозг.

Я ослеп. Со всех сторон прыгали невыносимо яркие огни. Я зажмурился, но свет пробивался сквозь веки, и казалось, что он идёт не снаружи, а изнутри моей головы. Я вскрикнул, оглох от этого и почувствовал, как по телу бежит ещё одна волна – звуковая, как вибрируют кожа и кости, как шевелятся волосы.

Я падал. Мысли скакали в голове, как бешеные, ни одной ясной, но их были миллиарды. Я успел подумать, что, кажется, умираю, а потом понял, что ещё нет, потому что потом последовал удар всем телом о каменный пол.

Раньше я думал, что много раз чувствовал боль. Но то, что было до этого, кажется мне теперь мелочью, незначительной и недостойной даже упоминания. Помнится, меня пару раз пытали. Выжигали клейма на коже, загоняли проволоку под ногти, били плетью по чувствительным местам. Всё это ерунда по сравнению с тем, что я испытал тогда.

Всё мое тело содрогнулось, сплющилось, в нём завопила каждая клетка. Я и не знал, что этих клеток так много, пока они не подали голос. Я чувствовал, как меня разрывают на

триллионы мелких кусочков, каждый из них сжигают заживо и всех сразу пытаются иголками. Крики этих клеток сливались вместе в один крик, импульс боли, фейерверк из пыток, который накрыл меня и убил.

Следующее, что я помнил – туман. В тумане проступали пятна, мутные, серые. Они постепенно приобретали очертания и формировались в человекообразную фигуру. Я хотел пошевелиться, но было больно. Пренебрежимо мало больно по сравнению с тем, что я описал, но неприятно. Примерно как удар током с напряжением вольт в триста. Я чувствовал, что всё моё тело опутано трубками. Прозрачными, по которым бегут разноцветные жидкости. Я всё ещё был полуслеп, но цвета пробивались сквозь прикрытые веки и достигали мозга напрямую.

– Где я? – прошептал я. Звук показался громким, но на этот раз я не оглох. И я понял, что жив. Что мне всё-таки лучше.

Фигура, которая находилась возле меня, постепенно вырисовалась в низенького андроида. Достаточно уродливого, чтобы быть уверенным, что это не человек, но, видимо, вполне интеллектуального, чтобы не быть поражённым в правах и даже выполнять квалифицированную работу.

– Вы на Эгозоне-1, – сказал робот, – в клинике имени Чебура. Я – доктор Эрдэпфель. Прошу вас по возможности лежать неподвижно. Если вам понадобится помощь, сообщите мне.

– Хорошо, – прошептал я. – Можно узнать, что со мной произошло?

– Вы заразились вирусом, – сказал доктор Эрдэпфель. Его голос, синтетический, но вполне приятный, был негромким, видимо, для того, чтобы не сильно раздражать мой слух. – Вернее сказать, я думаю, что вас заразили вирусом, потому что самому заразиться вирусом Уннга проблематично.

– Я буду жить? – произнёс я, снова почувствовав, как звук моего голоса прокатился по телу, хотя и не так отчётливо, как раньше.

– Некоторое время – безусловно, – ответил робот, при этом голос его несколько изменился, стал выше, протяжнее. Робот шевельнулся, и я услышал шорох его шарниров, стрёкот электродвигателей. Он немного напоминал человека. Одна голова, округлая, вытянутая сверху вниз, динамик, прикрытый мелкой металлической сеткой, на месте рта. – Как долго – зависит от вашего организма и от лечения. Мы постараемся, насколько это возможно, чтобы ваше качество жизни не сильно пострадало.

– Вы – это кто? – спросил я, почувствовав усталость от его ровного голоса. А ещё от того, что зудела спина, что саднили места, где в тело входили разноцветные трубки. Я пошевелил рукой и тут же пожалел об этом – мышцы отозвались жжением по всей глубине.

– В первую очередь я и доктор Эрдэпфель, – ответил робот. – Чтобы не сбивать вас с толку, поясню. В моём теле

несколько личностей, принадлежащих врачам разной специализации. Я – психолог и специалист по коммуникации, доктор Эрдэпфель – хирург и терапевт. Есть ещё доктор Мор, патологоанатом, его тоже ваш случай очень интересует. А возможно, вы ещё познакомитесь с вирусологом, доктором 239. Он несколько нелюдим и не любит показываться на свет, но...

– Ничего подобного, – ответил робот сам себе, чуть более вкрадчиво. – Опять вы, Бирн, возводите на меня напраслину. Если есть тема для разговора, то я могу поддерживать беседу часами. Вот, скажем, господин шпион, ваш экземпляр вируса...

– Я не шпион, – пробормотал я.

– Как же, рассказывайте, – сказал 239, при этом голова его дёрнулась, и камеры-глаза бешено завертелись в орбитах. – Мы имели удовольствие наблюдать, как ваше тельце доставили сюда на челноке с чёрными занавесками. А соглашение о неразглашении на двести страниц, которое я подписал – это что же, просто так, на всякий случай? Но мне намного интереснее не вы, а тот гений-экспериментатор, который сейчас сидит внутри вас...

– Что? – прохрипел я, пытаюсь оторвать голову от подушки. Впрочем, шейные позвонки ответили мне таким мощным прострелом, что у меня потемнело в глазах, и я чуть не отключился.

– Ну как же, – сказал 239, подкатываясь ближе. – Совер-

шенно уникальный экземпляр. Вирус Уннга. Некоторые считают, что венец творения – человек, некоторые – что аломиналы с планеты Тали, доктор Бирн говорит, что искусственный интеллект. А я думаю, что вирус Уннга переплюнет их во всех отношениях. Вот, например, господин шпион, сколько в вашей ДНК нуклеотидов? Я имею в виду, сколько их было до заражения?

– Я не шпион, – прошептал я. Мне снова становилось дурно. Во-первых, к горлу подкатывала тошнота. Во-вторых, я снова чувствовал все свои клетки. Они бунтовали.

– В каждой клетке обычного человека чуть больше трёх миллиардов пар нуклеотидов, – голос робота снова заставил вибрировать мою кожу, отдаваясь болью в мышцы и кости. – В вирусе Уннга количество может меняться, но в среднем он содержит около семисот миллиардов пар. Вы знаете, что такое трансдукция? М-да. В общем, вирус Уннга – это огромное количество генетической информации. Строго говоря, этих вирусов множество. Он постоянно меняется, мутирует. Он встраивается в ДНК клеток организма, меняя его свойства, двигается от клетки к клетке, каждый раз разный, и заранее неизвестно, что он с вашим организмом сотворит...

– Доктор, – сказал я. – Меня можно вылечить?

– Ну, – ответил 239, – смотря что вы подразумеваете под словом «вылечить». Теоретически, имея на руках вашу ДНК, мы могли бы попытаться восстановить ваш организм в первоначальном виде. Но учитывая, насколько он изменил-

ся за последние месяцы, скорее всего, вы бы в этом первоначальном состоянии оказались мертвы.

– Месяцы? – повторил я. Мне стало трудно дышать. – Так я давно здесь?

– О да, – ответил 239. – Хотя, конечно, всё относительно. Когда вы сюда поступили, первой нашей задаче было остановить разрушение вашего организма. И к данному моменту мы успешно с этим справляемся. Осталось ещё придумать, как обеспечить вам относительную автономность и приемлемое самочувствие, но это уже мелочи.

– Не понимаю, – сказал я. Меня тошнило. Голова проваливалась в туман, а вдоль позвоночника и всего тела шли неприятные резкие подёргивания, словно миллионы мелких злобных крыс пытались отгрызть от моих костей мышцы.

– Какой странный у нас всё-таки пациент, – сказал робот, и по его голосу я понял, что вмешалась другая личность. – Видимо, он не понимает, что значит «разрушение организма». Вроде военный, должен же знать. У вас же там трупы после боя в землю закапывают? И что с ними потом в земле происходит, вы в курсе? Вот и сейчас с вами происходило примерно то же самое, только при жизни, если можно так сказать.

– Доктор Мор, – перебил его 239, – я думаю, господин шпион...

– Да он уже сказал, что он не шпион, – вставил слово Эр-дэпфель.

– Ребята, дайте мне закончить, – сказал 239. – Вирус Уннга, если его не остановить, очень быстро делает организм нежизнеспособным. Он несколько напоминает по действию рак, но намного сложнее и, как бы это выразиться... Изобретательнее. Но всё же мутаций становится слишком много, и клетки начинают разрушаться. Мы это остановили с помощью вещества, которое поступает в ваш организм по одной из этих трубок.

– А по другим что поступает? – спросил я.

– Лекарства, – ответил 239. – Болеутоляющие, успокоительные, обеззараживающие. Если вас отключить, вы почувствуете себя очень плохо. Но мы работаем над этим. Вам придётся остаток жизни, видимо, носить на себе некоторое устройство, снабжающее вас веществами для подавления вируса. И, скорее всего, принимать отдельные лекарства перорально. Но при некотором везении вы можете прожить ещё пару лет. Я слышал, что одному человеку это удалось.

– Одному? – спросил я. – Я слышал про двух или трёх.

– Я имел в виду не тех, которые продержались пару недель, – сказал 239, – а того, кто протянул два года. Правда, из больницы он не вышел, но зато снабдил нас обширными данными наблюдений.

– Которые мало что нам дают, учитывая изменчивость вируса, – возразил Бирн.

– Слушайте, – возмутился 239, – я же просил меня не перебивать.

– Я старше вас по должности, – Бирн повысил голос, – имею право.

Они стали пререкаться, всё громче и громче, и я уже с трудом их различал. Меня резало по ушам, звуки стали расплываться. Я погружался в странный болезненный туман.

– Доктор, – прошептал я. – Мне опять нехорошо... Я умираю?

– Да нет, что вы, – отозвался Эрдэпфель. Или Бирн. Один из них. – Просто у вас, видимо, одна из трубок выпала. Сейчас поправлю.

Он дотронулся манипулятором до моей шеи. Меня перевернуло от боли, потом резко потемнело в глазах. Как мне потом рассказывали, после этого я не приходил в сознание ещё несколько дней.

Я пытаюсь застегнуть молнию на своём бортовом комбинезоне. Замок больно режет пальцы. Они – как сплошная открытая рана, но я привык. Замок доезжает почти до верха и останавливается. Дальше – там, на шее, справа – мешает белая пластиковая коробочка иньектора, присосавшаяся к ярёмной вене. Оставляю молнию застёгнутой не до конца, как всегда. Кстати, скоро надо будет перезаряжать в иньекторе ампулу. Я делаю это раз в год, на базе. Последние четыре месяца мы мотаемся по космосу, выполняя миссии одну за другой, так что давно у меня не было возможностей. К счастью, токсин вводится в кровь в микродозах. Этого достаточно, чтобы сдерживать вирус от опасной мутагенной активности.

Я двигаюсь к шкафчику, замечая своё отражение в зеркальной дверце. Почему всё должно быть таким ярким? Отражение моего белого комбинезона причиняет боль. Можно было бы сказать, боль глазам, но доктор Бирн объяснил мне, что на самом деле вирус просто поменял моё восприятие реальности. Отчасти поэтому мне нужны таблетки. Вирус обостряет, таблетки притупляют. А также снимают боль, успокаивают и делают ещё много чего. Недаром я принимаю десяток с утра, семь в обед и ещё восемь вечером. А, нет, те-

перь девять. От бессонницы мне прописали вот эту жёлтую. Отсчитываю из баночек нужное количество, глотаю одну за другой, запиваю. Я чувствую, как каждая из них проходит по горлу, царапает пищевод, проваливается глубже, растворяется и вьедается своими активными веществами в мой организм. Я терплю, потому что так надо. Так доктор прописал.

Дотрагиваюсь до сенсорной панели, дверь распаивается. Я оказываюсь в холодном и тускло освещённом коридоре с серыми стенами. Здесь спокойнее, чем в моей каюте. Меньше раздражающих огоньков. Да и шум двигателей слышен меньше – видимо, в каюту он передаётся по корпусу. Хочу двинуться в рубку, но время ещё есть. Поворачиваю налево, делаю несколько шагов и попадаю в кают-компанию.

Иблик, похоже, только что отложил свой устав в сторону. Он вздрагивает при моём появлении, глаза начинают бегать, а ноги сводит судорогой. Он явно хочет вскочить и вытянуться по струнке, но вспоминает, что я этого не люблю.

– Доброе утро, господин ыкс-майор, – говорит он громко, заставляя меня поморщиться.

– Доброе утро, Зи, – говорю я, опускаясь в кресло с противоположной стороны круглого столика. – Всё читаешь уставы?

– Так точно, – он выпрямляется ещё сильнее, нос начинает шевелиться и, кажется, даже непослушные волосы стараются сами уложиться в правильную причёску на голове.

– Что же, интересно, ты там пытаешься найти? Пункт,

подтверждающий, что во время тайной операции нужно обязательно вмешаться в неё в полном вооружении и парадной форме? А ты знаешь, кстати, почему у нас парадная форма белого цвета? Интересный исторический факт. Некоторое время назад армии нескольких империй соревновались в том, как пустить пыль друг другу в глаза. Начали устраивать парады, муштровали солдат на плацах. И додумались до белой формы, потому что её трудно было поддерживать в чистом состоянии. Эффект производит, не правда ли? Все вокруг отказались уже, а мы... Хм. О чём я говорил?

– Господин ыкс-майор... – пытается ответить он, опуская глаза в пол, но я не позволяю ему это сделать.

– А, ну да, – говорю я. – Уставы – вещь странная. Конечно, многое там написано верно. Как и в большинстве других книг. Но им слишком много лет. Как только кто-нибудь погибает по глупости или проигрывает сражение, туда обязательно добавляют новый криво сформулированный пункт, чего нельзя делать. Если жить по уставу, Зи, никогда ничего не добьёшься. Неэффективно каждый свой шаг сверять с инструкциями. Терпеть не могу инструкций. Я сто раз тебе это говорил, и повторю ещё. Но это не значит, что надо совершать глупости. Нужно, чтобы в твоей голове всё время работал мозг. Расставлял приоритеты, оценивал последствия. Что важнее – съесть завтрак до конца или спрятаться от падающей бомбы? В уставе по этому поводу много чего написано, только понять ничего невозможно. Но любой здраво-

мыслящий человек знает, что самое важное – это собственная жизнь и жизнь его близких, сослуживцев и всех остальных, кто оказался рядом. Ты подверг риску нас всех, Зи. Это очень плохо. Может быть, у тебя есть убедительное объяснение тому, что ты вчера сделал? Я его выслушаю. Давай, говори.

– Господин ыкс-майор, – говорит Иблик. Его тонкие бледные пальцы шевелятся, становясь похожими на кучку мёртвых червей, которых приводит в движение скрытый за стеной экстрасенс. Мне противно на них смотреть, я морщусь и отвожу взгляд. – Дело в том, что сроки, которые вы называли, уже вышли. Уже прошло два лишних дня, и я подумал, что вам, возможно, нужна помощь...

– Два дня! – я ударяю ребром ладони по краю стола, и мою руку пронзает резкая боль, которая распадается на миллиарды мелких. Я стараюсь не обращать на боль внимания, хотя и знаю, что она есть, её невозможно не чувствовать. – Да что такое два дня в сложной операции? Иногда можно год ждать нужного момента, прежде чем начать действовать. У меня, правда, никогда такого не было, терпения не хватает. Я обычно через несколько дней ожидания придумываю идиотский план и ломаю кучу дров. Но это же не повод, чтобы являться на планету, где работает агент под прикрытием, в парадной форме.

– Простите, ыкс-майор, – говорит Иблик, опуская взгляд в стол. И как нарочно подставляет моему многострадальному

взгляду свою огненную шевелюру. – Я сейчас понимаю, что это было не очень умно с моей стороны, но в тот момент я подумал, что я могу действовать открыто, что меня никто не свяжет с происходящим. Я планировал явиться официально к начальнику местной полиции под предлогом обмена опытом, и скрытно попытаться разузнать...

– Да что в наше время можно разузнать скрытно? – я, кажется, выхожу из себя, потому что вскакиваю и опрокидываю кресло. Голова моя кружится, ноги болят, а язык мельтешит во рту, раздражая ещё больше. – Сiatка просматривается, телефоны прослушиваются, на улицах камеры. Я один раз в писсуаре прямо в штабе СБ камеру нашёл! Надо продумывать каждый свой шаг, прежде чем его делать!

Я отворачиваюсь от него и пытаюсь поставить кресло на место.

– Простите, господин ыкс-майор, – лепечет Иблик, – но если бы с вами случилась неприятность...

– Ты бы уже ничего не мог с этим поделать! – практически кричу я, снова усаживаясь в кресло. – Ты не готов работать в моей группе, Зи. Тут нужны профессионалы! Как только мы вернёмся на базу, я передам тебя Зиберту.

Иблик на мгновение поднимает на меня свой взгляд, и я понимаю, что он напуган.

– А если, – бормочет он, – я пообещаю, что такое больше не повторится?

– Я знаю, – отвечаю я. – Я точно знаю, что такое больше

не повторится. Потому что ты со мной больше работать не будешь.

Я встаю и, стараясь не глядеть в его сторону, выхожу в коридор. Коридор приводит к изогнутой металлической лестнице наверх, в рубку. Поднимаюсь. На мгновение зажмуриваюсь от обилия светящихся экранов и огоньков. На кресле справа сидит, развалиясь, огромный человек с круглой головой, утыканной коротко стриженными светлыми волосами. Он улыбается. Он всегда улыбается, Анс Арри. А может, у него это оскал. Я думаю, он просто улыбнулся один раз, в детстве, и улыбка осталась навсегда. А больше поводов убрать её не было, как и улыбнуться заново.

Анс Арри был весёлым, разговорчивым, современным. Про таких иногда говорят «душа компании». Вот только компании у него, собственно, не было. Никто с Ансом особо не дружил. Почему? Сложно объяснить.

Тяжеловесный, мускулистый, круглолицый, говорил он мало и своеобразно, так что не все его понимали. Я ни разу не слышал от него ничего по-настоящему умного, но своё дело он знал. Знал, когда нужно бежать, а когда притаиться. Когда нужно стрелять, а когда лучше подождать. Стрелял метко, почти не тупил, хотя решения принимать не любил.

– Ну а командиры на что? – спрашивал он и криво усмехался.

Помнится, когда мы высадились на Орофонурре, все были подавлены. Нам предстояло зачистить планету от жителей. От всех. Пусть они были скорее животными, чем разумными существами, это не играет большой роли, когда смотришь жертве в глаза. Мы совершенно не понимали, почему их нужно уничтожать. Но таков был приказ. Начальство возражений не принимало. И только Арри был воодушевлён, весел и готов выполнять работу без всяких сомнений. Глядя на него, и остальные стали потихоньку успокаиваться. Они вслед за Арри стреляли в самок и детёнышей, выскивали

спрятавшихся в норах, убивали, убивали... Сам Арри побил собственный рекорд и демонстрировал после миссии счётчик попаданий на бластере. И все с уважением смотрели на эту цифру.

Так что Арри был очень полезным членом группы. Хотя я никогда не разговаривал с ним по душам. Не о чем мне с ним было разговаривать. Может быть, это из-за него у меня выработалась привычка говорить с самим собой. Даже когда я вроде бы обращался к собеседнику, на самом деле зачастую я рассуждал вслух. Хотя нет, Анс тут ни при чём. Я просто больной дебил.

– Доброе утро, – говорю я, усаживаясь в левое кресло.

– А то, – Анс скрипит креслом, потирает лапой ёжик волос, улыбается половиной рта.

Я отворачиваюсь и смотрю на монитор, жмурюсь. Опять неизвестный, дорт, доброжелатель прибавил яркости. Я нащупываю ручку и убавляю.

– Ты что, не знал, что Иблик хочет взять капсулу? – спрашиваю я.

– Да поздняк уже было, – Анс трёт нос. – Он утром припёрся, всё ныл. Говорит: наверно, с командиром беда случилось, надо спасать. Так и ляпнул: «беда». Я ему сказал: сиди, не рыпайся. Он ушёл. Притих типа. А вечером вдруг смотрю – капсула отчаливает. Ну, чего я мог сделать? На сообщения он не ответил. Докладывать про него? А кому он на хер сдался, в конце концов?

Я вздыхаю. Лёгкие надуваются, распирая грудную клетку, им неудобно внутри.

– Не место ему в группе, – говорю я.

– Это точно, – соглашается Анс, снова заскрипев. – Дёр-ганый он.

Часы в верхней части монитора расплываются, глаза никак не могут адаптироваться к светящимся точкам. Это как смотреть на Зон в полдень. Хочется отвернуться, протереть глаза.

– Сколько сейчас времени? – спрашиваю я. – Сколько до связи?

– Без двух, – сказал Анс. – Да не парься, всё же хорошо прошло. Я ща новости смотрел – паника там крестец какая. Ну, на Ибертао. Все кланы друг на друга наезжают.

Противно звякает динамик, заставляя меня вздрогнуть. Никак не привыкну к этому звуку. Меня вызывает штаб Сил Безопасности.

Я нажимаю раздражающе моргающую красным кнопку приёма.

– Ыкс-майор Дьюрек, – произношу я.

Изображение удаляющегося шарика Ибертао на мониторе сменяется трансляцией из главного зала штаба Сил Безопасности.

Прямо напротив меня – густо покрытое морщинами лицо генерала Апулинафи. Он абсолютно седой, с густыми бровями, близко посаженные глаза смотрят напряжённо и, кажет-

ся, немного сквозь меня.

– Добрый день, – говорит он своим неожиданно мягким для своего сурового вида голосом.

– Здравствуйте, генерал, – я знаю, что он, как и я, терпеть не может формальности.

– Я хотел бы поблагодарить вас за безукоризненно проведённую операцию на Ибертао, – неторопливо, с мечтательной интонацией говорит Апулинафи. – Этот прыщик давно нужно было удалить.

– Спасибо, генерал. Хотел уточнить – действительно ли всё прошло хорошо? – мой голос гулко отзывается в черепе, скачет внутри, резонирует в костях. Я привык, но это всё же неприятно. – Не подозревают ли в случившемся Содружество?

– О, не беспокойтесь, – генерал морщится и издаёт сдавленный звук, напоминающий слабое хихиканье. – Вы там всё настолько виртуозно провернули, что не может быть никаких претензий. Настоящего плотника всегда видно.

– Плотника? – переспрашиваю я. Да, я понимаю, что Апулинафи, как всегда, оговорился, но меня уже невозможно остановить. – Это слово я знаю. Это такие, которые рубят деревья, собирают из них плоты. Чтобы плавать по рекам. Или дома. Чтобы не плавать, а жить. Наверно, можно и гробы, только я не уверен, что в этом случае слово подходящее. Кажется, гробы делают гробовщики.

– Ыкс-майор, – говорит Апулинафи, чуть наклоняя голову

влево. В это мгновение он выглядит чуть более безумно, чем обычно. – Я ума не приложу, о чём вы говорите.

– Вы сказали, плотника всегда видно, – отвечаю я. – Вот я и попытался понять вашу мысль.

– Я такого не говорил, – Апулинафи поджимает губы. – Где вы находитесь в данный момент?

– Корабль на тихом ходу движется на безопасное расстояние от Ибертао, чтобы усложнить возможное преследование, а затем мы планируем совершить гиперпрыжок в окрестность нашей базы, – отвечаю я. – Всё по инструкции.

Мне хочется ещё добавить от себя, что кораблик мелкий и ни на что не годный, кроме того, чтобы не привлекать слишком много внимания. Внешняя фальш-обшивка пластиковая, что придаёт ему сходство с дешёвыми посудинами торговцев всякой дрянью или с детскими игрушками. Но я замолкаю. Генерал и так несколько рассеян.

– Нет, – говорит он вдруг. – Я думаю, что вам придётся несколько отклониться от данного плана.

Он замолкает на несколько секунд, поэтому я никак не могу не перехватить инициативу.

– Что вы имеете в виду? – спрашиваю я. – Нам надо лететь чуть ближе к планете? Или чуть дальше? Или не совершать гиперпрыжок, чтобы сэкономить энергию? Но в таком случае мы будем на базе через несколько тысяч лет, а это не совсем...

– Я имею в виду, – перебивает Апулинафи, – что вы могли

бы слетать на Рослин.

– Рослин? – переспрашиваю я. Хочу продолжить, но не могу вымолвить больше ни слова, потому что совершенно не представляю, что такое Рослин и что о нём можно сказать.

– Ну да, – говорит Апулинафи. – Какая вам, собственно, разница – сразу прыгнуть на базу или пару дней провести на Рослине? Разве не здорово – потратить немного своего времени? На пользу обществу, я имею в виду.

– Извините, генерал, – ко мне возвращается способность говорить, – но у нас осталось энергии всего на один гиперпрыжок. У нас заканчиваются продовольствие и лекарства, мы мотаемся по космосу уже почти четыре месяца, и... А где это, собственно – Рослин?

– Квадрат G-114, – отвечает Апулинафи, и уголки его рта поднимаются вверх, будто он улыбается. О Крест, или он действительно улыбается? – Его ещё называют Росьлин или Рошлин. Не слышали?

– Нет, – отвечаю я. – Но, генерал... Если мы, предположим, отправимся в квадрат G-114, то энергии нам хватит только на прыжок туда. Как мы вернёмся? Или вы пришлёте транспорт?

Апулинафи с монитора смотрит на меня, затем поднимает взгляд вверх, в невидимый мне потолок.

– Я подумаю об этом завтра, – произносит он. – А пока у вас будет небольшое поручение. В этом же и заключается ваша служба, не так ли, ыкс-майор?

Видимо, прошло то время, когда я радовался любым заданиям и тут же бросался их выполнять.

– Что за поручение, генерал? – спрашиваю я. – Свергнуть неугодного правителя? Выявить сеть заговорщиков? Истребить домашних животных? Уничтожить запасы пресной воды?

Апулинафи хмурится и снова смотрит прямо сквозь меня.

– Я не припомню, признаться, чтобы я просил вас уничтожать запасы пресной воды. Остальное было, да, но всё имеет разумные пределы.

– От вас всего можно ожидать, – говорю я, глядя ему в лицо. Но на самом деле это не его лицо, а изображение на мониторе. Пикселы расплываются, горят, жгут глаза. Сам Апулинафи далеко, за много световых лет от меня. – Так что на этот раз, генерал?

– Понимаете, – с напевной интонацией говорит Апулинафи, – очень важно сейчас, в момент становления Содружества, проявить лояльность ко всем присоединившимся членам. Пойти навстречу, где нужно. Дело не только в политике, но и в философии мира, единения. Все существа во Вселенной просто хотят счастья. Одни видят счастье в убийствах и насилии, другие – в служении этим первым. И, поскольку на нашей стороне справедливость...

– Генерал, – перебиваю я, – боюсь, я потерял нить.

– Какую нить? – Апулинафи хмурится.

– Я не совсем понимаю, о чём вы говорите.

– Ыкс-майор! – в голосе генерала чувствуется укор. – Я понимаю, что вы устали, но постарайтесь сосредоточиться. Я говорил о вашей миссии. Вам предстоит прибыть на Рослин и проверить информацию об убийстве. Это не займёт много времени. Поставьте галочку – и отправляйтесь домой.

– Убийстве? – кажется, наступает моя очередь хмуриться. Я отмечаю про себя, что в последнее время я чувствую свою мимику. Раньше это работало в одну сторону. Я испытывал чувства, они отражались на лице. Теперь движение кожей означает боль, и любое выражение лица отражается на чувствах. – Мы должны расследовать убийство? Разве мы криминальная полиция? В Содружестве стало плохо с полицейскими? С каких это пор?

Лицо Апулинафи заметно мрачнеет.

– Теракт на Гнате, ыкс-майор. Там сейчас работают тысячи людей. В нашей галактике никогда не происходило ничего подобного. Сотни тысяч жертв, больше миллиона пострадавших. И совершенно никто не может сказать, что произошло. Да что же это такое?! – Генерал вдруг повышает голос. – Вы так смотрите на меня, будто впервые об этом слышите!

– Нет, – тороплюсь возразить я. – Я видел сообщение в новостях, просто не осознал масштабы. А кто взял на себя ответственность?

– Да в том всё и дело, что никто! И хуже всего, что мы не можем ничего понять. Никаких улик, в эпицентре взрыва такая каша, что до сих пор даже не определили типа взрыв-

ного устройства. Понятно только, что взрыв произошёл на подземных этажах гигантского торгового центра. Там магазинчики, офисы, конторы. Где и что взорвалось с такой силой, непонятно. Целый квартал рухнул в бездну. Там же вниз еще 15 этажей. Было. И вот теперь полиция, СБ, военные – все пытаются в этом разобраться, грызутся, путаются друг у друга под ногами, и конца этому не видно. Я не могу сейчас никого бросить на Рослин, а на сигнал мы реагировать обязаны.

Я, кажется, начинаю понимать.

– С Рослина поступил сигнал из «Эксопа»? – задаю я уточняющий вопрос.

– Ну да, да, я же об этом только и говорю! – генерал, кажется, с трудом не выходит из себя.

– И кто же его послал? – спрашиваю я.

– Это нам неизвестно, – говорит генерал. – Но все детали, что нам известны, я вышлю вам письмом сегодня вечером.

Я на секунду задумываюсь. Мне кажется очень странным, что генерал не знает, кто отправил сообщение в «Эксоп».

– А что говорит местная полиция? – уточняю я.

– Это интересный вопрос, – Апулинафи вновь поднимает взгляд вверх. – Дело в том, ыкс-майор... Рослин пока не входит в Содружество. Они только начали процесс. Лично я плохо понимаю, что там происходит. В любом случае, не тратьте на них много времени. День, два максимум. Просто убедитесь, что местные провели адекватное расследование.

Вы правы, что это совершенно не наша компетенция. Но, как понимаете...

– Понимаю, – говорю я. – На «Эксоп» мы обязаны реагировать.

– И к тому же у меня для вас очень много других интересных поручений, – генерал пытается улыбнуться, но губы изображают скорее растерянность. – Удачи.

– Слушаюсь, генерал, – говорю я. – Жду от вас деталей.

– Деталей? – генерал поднимает бровь.

– Вы обещали выслать письмо с деталями дела, – напоминаю я.

– Хм, – говорит Апулинафи. Тут связь прерывается, и я снова вижу на экране удаляющуюся планету Ибертао.

– Они что, офонарели?! – рычит Анс справа.

Я поворачиваю голову к нему. Мышцы шеи растягиваются, и мне кажется, что они сейчас порвутся вместе с натянутой кожей.

– Мы уже четвёртый месяц из миссий не вылазим! – Анс бьёт кулаком по крышке стола, отчего вся рубка вздрагивает, отдаваясь в моём мозгу зловещим дребезжанием. Кстати, в гуле общего шума я чувствую, как справа, в приборах возле ног Анса, тоненько звякает металл, и я подозреваю, что это отпаялся микроскопический контактик. Надо бы проверить. – Да у меня же жена беременная! – продолжает сотрясать воздух Анс, при этом подозрительно скаля зубы. – Уже шестой месяц пойдёт!

– Анс, – говорю я. – Мне тоже это не нравится. Но ты же знаешь – это приказ. Проложи курс.

Я встаю и двигаюсь к выходу из рубки. Надо сказать Иблику.

Я иду по коридору. Должно быть, Иблик сидит в своей каюте, плачет и собирает вещи. Я живо представляю себе эту картину, хотя плачущим его ни разу не видел. Главное – сказать ему твёрдо, что мы выполним ещё одну короткую миссию, но это ничего не меняет. Он всё равно отправится после этого на базу и перестанет быть членом группы. Не надо подавать ему надежду на то, что я могу изменить мнение.

Я возле его двери. Я стучу.

– Войдите! – кричит Иблик, и дверь, догадавшись, распадается.

Иблик, сидящий на краешке койки, откладывает в сторону потрёпанную книгу и смотрит на меня. Взгляд мрачно-сердитый. Но плакать он точно не собирается. Я профессионально отмечаю на обложке книги название и автора.

– Окк Рудой? – удивляюсь я, присаживаясь на стул. – Я думал, ты предпочитаешь более интеллектуальное чтение. Помнится, ты читал Зафдля.

– Извините, ыкс-майор, – отвечает Иблик, – но я бы не сказал, что Зафдль – более интеллектуальное чтение, чем Рудой.

Его ярко-рыжая шевелюра мозолит мне глаза. Мне хочется отвести взгляд, зажмуриться, но вместо этого я говорю:

– Ха! Ну, Зафдль я не читал, слишком мудрёно для меня, но Рудой ведь пишет в основном детективчики для домохозяйек.

Лицо Иблика преобразуется, шевелясь, деформируясь. Брови ползут вверх, покачиваясь, как лодки, челюсть двигается туда-сюда, кожа пытается принять некую форму.

– Извините, ыкс-майор, – говорит Иблик, – но от вас я этого не ожидал. Зафдль – заумный идиот. Помнится, в одной из книг он страниц двадцать объясняет, что такое парадигма, хотя это и так всем понятно...

– Мне не понятно, – говорю я.

– А Рудой... – продолжает Иблик. – Конечно, он пишет в том числе и детективы, его книги вообще трудно отнести к одному конкретному жанру, но в каждой его книге много слоёв смысла. Вы же читали его?

– Читал пару вещей, – говорю я, опускаясь на стул напротив. – Помню про убийство в запертом подвале... И другое, про путь. Такое ещё странное название, которое слабо связано с сюжетом. Мне кажется, он вообще любит называть книги словами, которые не упоминаются в тексте.

– Думаю, вы имеете в виду «Путь страданий», – говорит Иблик. По тому, как его взгляд пару секунд шарит в углу комнаты, я понимаю, что он вспоминает сюжет книги. – Ну что же... Мне кажется, это отличный пример детектива со множеством различных подтекстов.

– Да ну? – возражаю я. – Даже сам детектив мне показал-

ся довольно слабым. Убийца ясен с самого начала. Понятно, что спутник главного героя – личность подозрительная, к тому же у него был мотив. Странно, что тот, на кого в первую очередь падает подозрение, оказывается убийцей. Я, знаешь ли, привык к более изошрённым загадкам.

– Здесь я, пожалуй, соглашусь, – кивает Иблик. – Загадки здесь почти нет. Но в этой книге детективная составляющая – не главное. Во-первых, там есть очевидная сюжетная линия, связанная с сомнениями главного героя, Гамаюка. Он думает о том, имеет ли он право расследовать дело, в котором перемешались интересы близких ему людей. Не зря всё действие происходит на корабле, и он должен принять решение к дате прибытия.

– Мне это показалось притянутым за уши, – говорю я. – Мне кажется, в реальной жизни сомнений не было бы. Он обязан был провести расследование, и он его провёл. Это входило в его полномочия. Кроме того, описаны наши дни, а корабль летел, не перемещаясь в гиперпространство, хотя и мог это сделать. Он что же, специально дал себе время на расследование? Неправдоподобно.

– Да, – говорит Иблик. – Если рассматривать это дело как настоящее расследование, происходящее в реальности, здесь много странностей. Но ведь недаром книга называется «Путь страданий». Это путь разума в истории цивилизации. От прямолинейности к сомнениям и гибкости.

– Что? – я удивлён. – Ты хочешь сказать, у этой дешёвой

книжонки есть некий смысл? Давненько не читал я книги, в которой был бы смысл. Впрочем, я вообще давно ничего не читал, но, возможно, как раз в этом и причина.

– Да, разумеется, – говорит Иблик. – В этой книге множество смыслов. Причём я даже не уверен, что понял все подтексты. Ну вот посудите сами, ыкс-майор. Почему главного героя зовут Гамаюк? Это же намёк на легендарного Гая Мао Кука, который стоял у истоков цивилизации и решал все вопросы с помощью меча. А символы, которые встречаются на пути корабля? Светящееся дерево, ящерица...

– Ты намекаешь на те перерождения, которые якобы имел Гай Мао Кук? Знаешь ли, и сам он личность скорее легендарная, а уж все эти религиозные фантазии на тему и вовсе принимать серьёзно не стоит...

– Да, – соглашается Иблик. – Но ведь дело не в том, было ли это на самом деле, а то, какие мысли и эмоции эти символы вызывают у читателя. Читатель подсознательно ассоциирует путь героя с древностью, сражениями, когда всё решалось просто и легко.

– Я бы не сказал, что в древности всё решалось легко, – возражаю я.

– Я имею в виду, что тогда очень легко было понять, кто враг, а кто нет. Всё было чёрно-белым. С одной стороны зло, с другой добро. А потом появились нюансы.

– Ну, хорошо, – говорю я. – Предположим, что Рудой этой книгой действительно пытался выразить некую глупо-

кую мысль. Но что это за мысль? Что нужно оправдать убийцу?

– Что всё неоднозначно, – говори Иблик. – Сам убитый был мерзким типом, разрушителем цивилизации, и, возможно, заслужил свою смерть, а государство в лице Гамаюка берёт на себя роль высшего суда и непонятно, насколько оно имеет на это право.

– Ну, знаешь ли, – я встаю. – С этим трудно согласиться. Закон есть закон. И потом – если это всё, что хотел сказать автор, стоило ли городить роман на семьсот страниц? Взял бы и написал одну строчку – я, мол, сомневаюсь, что государство всегда право, когда преследует убийц.

– Это же далеко не единственная мысль в книге, – говорит Иблик. – И потом – дело не только в мысли. Дело в том, чтобы дать читателю возможность самому всё прочувствовать, подойти с разных сторон. Вся эта последовательность эмоций, которую создаёт текст, призвана вызвать...

– У меня она вызвала раздражение, – перебиваю я. – Прочитать семьсот страниц и узнать, что убийца – тот, на кого все сразу подумали. Великолепная книга, что тут сказать!

Я внезапно вскипаю, разворачиваюсь на месте, резко выхожу из комнаты. Дорт. Я забыл сказать Иблику про миссию на Рослине. Хотя какая разница? Всё равно скоро узнает.

В рубке Анс, нахмурившись, колдует над штуками. С расчётами курсов у него всегда тяжело. Он склонился над клавиатурой, справа от которой лежат горы исписанных бумажек. Он ругается шёпотом, черкает маркером, бормочет про себя и вводит всё новые цифры.

Мне кажется странным, что в наше время запрещено прокладывать курс автоматически, но я привык к дурацким законам. Пусть в данном случае это и связано с разумным ограничением прав роботов. Конечно, штурман должен сам нести ответственность за то, что прыгнул в один конец без возможности возврата. Может быть, я именно поэтому часто доверяю курс Ансу. Погибнуть в гиперскачке – может быть, это неплохой выход.

На моём мониторе висит оповещение. Я открываю его и вижу письмо от генерала Апулинафи. «Прилагаю принятое сообщение и имеющуюся информацию», – говорится в нём. В приложении к письму короткий файл. Внутри данные в непонятном для меня формате и обрывок текста.

– «На планете Рослин убит чиновник таможенной службы Тапа17. Есть основания полагать», – зачитываю я вслух.

– Уроды они, – говорит Анс, кривовато улыбаясь. – Сколько можно по Галактике мотаться?

– «Есть основания полагать», – говорю я. – Что полагать? Такое впечатление, что автор послания недоговаривает. Может быть, он хотел, чтобы мы сами догадались, что он имел в виду. Но я вот не догадываюсь. Нет у меня способностей к ясновидению. А у тебя, Анс?

Анс диким взглядом косится на меня.

Я открываю второй файл. В нём – подробная справка о планете Мкераш, откуда я родом. Почему генерал её прислал? Я не знаю. Но, может быть, он не знает и сам. Генерал Апулинафи не вполне адекватен. Во всяком случае, не всегда. Но никто ему об этом ещё не сказал.

– А что мы знаем о планете Рослин? – спрашиваю я.

– Сволочи, – говорит Анс. – Вот когда у тебя последний раз баба была? Ты хоть помнишь?

– Помню, – отвечаю я.

Я сидел на скамеечке в парке, одетый в тёплый халат с нейтронным подогревом. Мне было дурно, перед глазами плыла плотная грустная дымка. Рядом со скамейкой стоял, покачиваясь на двух раздвижных ногах, робот с продолговатой головой и мычал некую невнятную мелодию.

– Бирн, если это, конечно, вы, – сказал я, – вы не могли бы прекратить свои напевы? Честно говоря, раздражает.

– Конечно я, – ответил робот, – кто же ещё? Доктор Эрд-эпфель с вами закончил, доктор Мор, к нашему удивлению, не понадобился, а доктор 239 уехал в отпуск. Что же касается мадам Лавустри...

– Это ещё кто такая? – нахмурился я.

– Психиатр. Она вас наблюдала некоторое время, но потом сдалась. Спит уже третьи сутки. Нервное перенапряжение. Впрочем, это к лучшему. У неё в последнее время проблемы с координацией, знаете ли, всё время заваливает нас на бок, а потом отключается, так что подниматься на ноги приходится мне.

И он снова начал мычать свою противную мелодию.

– Бирн, зачем вы это делаете?! – воскликнул я.

– Я пытаюсь добиться двух вещей, – сказал Бирн. – Во-первых, вас успокоить, поскольку вы нуждаетесь в позитив-

ном настрое. Во-вторых, я пытаюсь вас разозлить, чтобы вам захотелось, наконец, покинуть клинику. В прошлый раз вы отказались подписать согласие на выписку, поскольку якобы страдали от галлюцинаций.

– Это было в позапрошлый раз, – заметил я. – В прошлый раз у меня началась бессонница из-за этих скрипов на свалке.

– Которая расположена в двадцати километрах отсюда, – подтвердил Бирн. – Да, я помню. И я, с согласия мадам Лавустри, прописал вам очередной седативный препарат. Но мне бы хотелось объяснить вам кое-что, господин шпион. Вам надо выйти отсюда. Возможно, вам здесь спокойнее...

– Господином шпионом меня, кажется, называл доктор 239, – вспомнил я.

– Когда живёшь пять лет в одном теле с другими личностями и можешь подсматривать в чужие базы данных, то поневоле перенимаешь привычки, – ответил Бирн. – Я хотел просить вас не затягивать с выпиской. И не потому, что государство тратит на вас много денег, мне до этого дела нет. Я боюсь, что в этих стенах вы окончательно закопаетесь в своих фобиях. А могли бы ещё жить и жить.

– Помнится, – сказал я, – вы давали мне пару месяцев.

– Давал, – согласился Бирн, – но ваше тело сейчас в лучшей форме, чем тогда. Чего, конечно, не скажешь о психике.

– Так, может быть, мне нужно ещё одно лекарство?

– В этом я не специалист, – сказал Бирн. – Я не имею права

сам выписывать вам препараты. Если только плацебо. Кстати, а это неплохая идея. Вы не находите?

– Мне всё равно, – ответил я. – Я бы хотел чувствовать себя так же, как полгода назад.

– Ну, – сказал Бирн, – не всегда наши желания совпадают с возможностями. Я лет двадцать назад тоже не думал, что моё сознание переселят в ржавую железяку, набитую разными психопатами. Однако же терплю и выполняю свою работу. И вы выполняйте свою, как можете.

– Плохо вы свою выполняете, – сказал я. – Почему мне всё время мерещится всякая ерунда? Откуда эти внезапные боли? Почему кружится голова, если вы утверждаете, что физические показатели в норме?

– Я сделал всё, что мог, – сказал Бирн. – Но вы со своей стороны тоже должны предпринять некоторые усилия.

– Я встал с кровати сегодня, – возмутился я. – В моём теперешнем состоянии это подвиг.

– Смешно, – сказал Бирн. – Я рад, что вы вернули себе способность шутить. Но проблемы, о которых вы говорите – это чисто субъективное восприятие. Для того, чтобы его изменить, нужно работать над образом своего мышления. Вы выполняли те упражнения, которые я вам рекомендовал?

– Нет, – ответил я, вздохнув. – Не верю я в лечение заговорами и заклинаниями.

– Давайте я пропишу ему лабордазу-2, – сказал вдруг робот высоким женским голосом.

– Вы что, Люсиль? – возмутился Бирн. – Он от неё как минимум откинет копыта, а как максимум взорвётся от внутривенного давления и всё здесь забрызгает своим отвратительным серым веществом. Вы же кончали медицинское училище на Ойлинге, насколько я помню.

– Это было в пять тысяч семнадцатом, – ответила Люсиль. – Тогда ещё не было таких интересных препаратов, а попробовать применить его хочется.

При этих словах робот стал сильно крениться налево, на колючий кустарник с жёлтыми цветами, которые тут же зашевелились и пораскрывали свои зубастые пасти. Всё это сопровождалось такой густой какофонией, что я поневоле сжался в комок.

– Ну вот, – сказал Бирн, выровняв робота. – Люсиль, как всегда, чуть нас всех не уронила. Пришлось перехватить управление. А вы, майор, как я смотрю, очень чувствительны ко всему происходящему.

– Вы даже не представляете, насколько, – ответил я. – Я долго не мог подобрать сравнения, но вот сейчас мне в голову пришло. Я чувствую себя так, будто с меня заживо содрали кожу. И теперь я чувствую всё вокруг – свет, звук, боль – своей открытой раной на всё тело. Но вам, наверно, всё равно не объяснить, вы же не живой.

– Ну почему же, – сказал Бирн. – Я вас вполне понимаю. Мы все были живыми, кроме доктора 239, чьё тело мы теперь совместно используем.

– Простите, – сказал я. – Я думал, что все вы – просто искусственный интеллект.

– Не совсем, – сказал Бирн. – Вы знаете, каково было положение с финансами в Империи в последние годы. Про теперешние времена я и не говорю. Сокращения штатов, увольнения, экономия. Клиника не тянула десять разных специалистов. Каждому нужно было есть, понимаете ли... Нас предложили объединить в одно тело, благо специализированные знания во многом пересекались, да и работать с пациентом одному врачу, как правило, проще...

– А тела? – удивился я. – Что же, их уничтожили?

– Да нет, – ответил Бирн. – Хранились в холодильнике некоторое время, но потом списали за ненадобностью. А куда деваться? Сейчас почти нереально найти работу, а тело всё-таки требует реализации многих потребностей. Ну, что я вам рассказываю? Сами понимаете. Давайте-ка лучше займёмся вашим случаем. Вы говорите, что слишком обострённо всё чувствуете. Но, как я вам уже много раз повторял, это очень субъективно. Зависит от вашего отношения. Так почему же вы не делаете упражнения?

– Понятно почему, – я мотнул головой, отчего стрельнуло в шею, вокруг головы заплясали яркие вспышки, и я еле не отключился снова. – Когда вы мне их показывали, я был не вполне в состоянии воспринимать ваши объяснения. Да и сейчас не испытываю энтузиазма.

– Ну и зря, – сочувственно произнёс Бирн. – По сути, пси-

хологические тренировки – это единственное, что по-настоящему может вам помочь. Давайте-ка. Сядьте поудобнее. Закройте глаза.

Я постарался усесться потвёрже, но ягодицы даже сквозь толстый халат воспринимали скамейку как недружелюбную шершавую и бугристую поверхность. Через закрытые веки пробивалось достаточное количество света, чтобы мне хотелось зажмуриться ещё сильнее.

– Найдите в своём теле любое ощущение, которое вы можете воспринимать постоянно и наиболее отчётливо, – сказал Бирн. – Например, это может быть дыхание, течение крови в сосудах или шевеление тестикул на голове.

– У меня нет тестикул на голове, – заметил я.

– Простите, – сказал Бирн. – Мне приходилось работать с разными пациентами. Ну, предположим, сосредоточьтесь на своём дыхании, если вы его чётко ощущаете. Почувствуйте, как на каждом вдохе расширяется грудная клетка, а на каждом выдохе...

Грудную клетку я чувствовал очень хорошо. Каждое ребро напрягалось, хрустело, пыталось освободиться от прилипших к нему мышц. По нервам меж рёбер бегали сгустки электричества, обжигая, вызывая содрогание. Кроме этого, колело справа в ягодице, давило в левом виске, кружилась голова, и стоило огромных усилий держать голову прямо, чтобы она не клонилась ни в одну из сторон.

– Если вас отвлекают от дыхания посторонние мысли или

ощущения, – продолжал Бирн, – старайтесь их отмечать, но возвращаться снова к дыханию, не позволяя себе следовать за ними.

– Если?! – я открыл глаза и повернулся к Бирну. К телу 239-го, в котором сидели все они. – Да вы хоть понимаете, что я чувствую? Меня со всех сторон осаждают разные ощущения! Я сейчас слышу, как на космодроме с обратной стороны планеты садится четырнадцать кораблей! Запахи, цвета, от которых не спасают веки, боль, которая наполнила собой всё тело...

– Ну, так я же и говорю, – спокойно ответил Бирн, – воспринимайте это как фон. Как течение воды мимо вас. Это ваша боль, вы и должны её чувствовать. Примите её. Просто не позволяйте ей отвлекать вас от вашей цели...

– Это полная чушь, – буркнул я. – Принять боль? Вы что, издеваетесь? Зачем мне её принимать? Ради чего? Ладно. Не можете вылечить – так и скажите. Я выписываюсь.

– Принять боль, – вмешалась Лавустри, – вам нужно, потому что избавиться от неё вы вряд ли сможете. И я вам помогу её принять. Позвольте мне самой позаниматься с вами упражнениями, с которыми всё время терпит неудачу доктор Бирн...

Я вздрагиваю от резкого звона.

– Э... Люсиль, отдайте управление, пожалуйста, – сказал Бирн.

– Да я уже неплохо справляюсь! – возмутилась Люсиль. –

Ну, задела рукой стакан, что такого?

– Тут дело в тренировке, – сказал Бирн – кажется, уже мне. – То, что вы сразу много всего ощущаете – это хорошо. Это даёт вам огромный простор для саморазвития... – Тут он обратил внимание на мой недоброжелательный взгляд. – Но я рад вашему решению. Чем скорее вы покинете стационар, тем скорее жизнь заставит вас бороться и искать способы к ней приспособиться.

Через час или полтора я уже шагнул прочь от клиники, неся небольшой чемоданчик. Облака клубились, сверкали и шуршали, звук моих шагов грохотал, мысли скакали по черепу, как по пустому и гулкому железному ведру, но я шёл. И злорадовался тому, что я на свободе, и что могу обойтись без врачей. Статус мой мне был не до конца понятен, но я знал, что у меня оплачиваемый отпуск ещё минимум на месяц, который я при необходимости могу продлить, а на счету после оплаты лечения всё ещё оставалось некоторое количество денег. Поэтому я ткнулся в первую попавшуюся недорогую гостиницу и снял себе номер на третьем этаже.

Нужно было чем-нибудь заняться. Откуда в человеке, независимо от его самочувствия, настроения и предпочтений, есть такая дурацкая потребность – занимать своё время? Он не может просто сидеть и смотреть в стену, хотя, казалось бы, чем это не занятие?

Сначала я пробовал спать. После госпиталя я чувствовал себя, как ни странно, дико уставшим. Впрочем, удивитель-

ного тут мало, поскольку тело моё генерировало миллионы сигналов в секунду, на которые нужно было реагировать. Так что и спать у меня получалось не очень хорошо. Я лежал и чувствовал весь мир, включая чесотку в боку, давление каждой нитки в простыне снизу, шевеление воздуха, колеблющего мою кожу, и запах дыхания людей из дома напротив. Пробовал принимать выданные мне таблетки от бессонницы. Если выпивать пачкой, помогало. Я отрубался. Но, просыпаясь, чувствовал себя обманутым. Тело ныло, требуя внимания ещё сильнее, голова болела, я не был ни капли более отдохнувшим, чем до сна. К тому же ночь начисто пропала из жизни, я её не помнил. Помнил таблетки, царапающие пищевод, затем тягостное пробуждение, а между ними – черноту, которая несколько обескураживала.

Я пробовал отвлечься на еду. В госпитале кормили однообразно, в основном странноватыми разноцветными пюре. У них был дикий вкус, но я не знал, то ли это мои искажённые ощущения, то ли они и правда представляют собой шедевры безумной кулинарии. Поэтому захотелось попробовать те блюда, которые я ел раньше, чтобы понять, как я их ощущаю теперь.

Моей любимой едой всегда были макароны с мясом. Мясо любого животного – лучше всего не слишком жирное, скажем, аброзятину – измельчают, обжаривают до выпаривания воды, добавляют приправы и всыпают фарш в отваренные макароны, а потом дают постоять под крышкой пару минут.

Я заказал доставку еды в номер. Запах фарша почуял ещё издалека, когда официант вкатил тележку с подносом, накрытым крышкой, в коридор. Отвратительный, прогорклый, тухлый, он заплыл мне в нос, и я уже не мог от него избавиться. Затем примешались резкие запахи приправ, вонь масла, мерзкий смрад макарон. Я и не подозревал до того дня, что макароны тоже пахнут. Я зажал нос и крикнул «Войдите!» в ответ на стук, хотя уже сомневался, следует ли официанта пускать.

Самое удивительное, что я смог съесть практически половину. С содроганием и омерзением, но смог. И, благодаря своему эксперименту, понял, что от еды вряд ли буду впредь получать удовольствие.

Пробовал читать книги, но не мог сосредоточиться. Отвлекало буквально всё. Особенно звуки. Я затыкал уши ватой, но всё равно слышал их. Город вокруг производил миллиарды звуков. Разные существа сговорились и принялись скрести, грохотать, шипеть, рычать, булькать, царапать и играть на музыкальных инструментах. И я никак не мог всего этого не слышать.

Прочитав полстраницы невнятной ерунды, я сдался. Я вышел на балкон. Подо мной пролегла узенькая вонючая улочка. Даже и её до самого неба заполняли транспортные средства. Платформы, флипы, воздушные велосипеды, люди с терминалами на ногах, мелкие и крупные дроны забивали пространство, оставляя между собой совсем немного щелей.

Но и в эти щели умудрялись просачиваться олухи.

Если вы не знаете, олухи – это довольно крупные птицы, как правило, серо-голубые, с клювами, усеянными множеством мелких ложных зубов. Они едят всё подряд, начиная от семечек, крошек и картофельных очисток, кончая фольгой и пластиковой изоляцией. Говорят, что питаются иногда даже мелкими зверьками вроде пищиков, хотя сам я этого не видел, врать не буду. Олухи копаются на свалках, разносят опасные бактерии, в самый ответственный момент попадают в воздухозаборники двигателей, уже не говоря о том, что они обильно испражняются в воздухе, усеивая предметы внизу слоем коричневатого шоколадоподобного вещества. В последнее время на Эгозоне-1 они стали страшной бедой, сравнимой по масштабу со всеобщей депрессией, а может, и являясь одной из её причин.

Олухи сновали между летящим транспортом, ловя на лету мелких насекомых, остатки пищи, выроненной другими олухами из когтей, вступая друг с другом в схватки и заставляя пилотов мелких кораблей лавировать, уклоняясь от многочисленных тушек, и периодически содрогаться от ударов.

И вот я наблюдал за всей этой катавасией несколько минут, пока вдруг не услышал свистящий звук слева и не увидел, как крупный олух рассыпался в полёте в брызги крови и перьев и упал вниз, на синие плиты дорожного покрытия. Через пару секунд то же произошло со вторым.

Я повернул голову влево. На балконе, соседнем с моим,

отделённом металлической решёткой и парой толстых стёкол, восседала на электрическом кресле высокая старуха самого экзотического вида.

Лицо её, высушенное, дряблое, с крючковатым носом и тонкими морщинистыми губами, выражало презрение ко всему вокруг. Тот глаз, который я мог видеть, был искусственным, ярко-красным, и с жужжанием вращался в орбите туда-сюда, выискивая новых жертв. Костлявая правая рука с одним металлическим пальцем сжимала ручку огромного новомодного электромагнитного пистолета, стреляющего стальными цилиндрами. Старуха была одета в кожаное чёрное платье со свободными рукавами и бесформенной юбкой с кучей перетяжек и ремешков, как носила современная молодёжь. В правом ухе моргала чёрным огоньком радиосерьга.

Я мысленно усмехнулся, решив, что развлечение, придуманное старухой, вполне подходит и для меня. На пару секунд вернувшись в комнату, я прихватил бластер и, заняв положение в пластиковом кресле возле перил, подстрелил олуха, скользившего мимо балкона. Затем выбрал ещё одного, который сидел на подоконнике здания напротив, и аккуратно поразил его в глаз.

В ту же секунду я услышал быстрый шорох слева и почувствовал, как моего виска коснулся гладкий металл.

– А известно ли вам, милостивый государь, – прозвучал старушечий голос возле моего уха, – что согласно статье три

тысячи сто тринадцать внутривселенского подкодекса убийство бесхозных животных в черте города наказывается штрафом в двести энергетических единиц за каждую особь? От наказания освобождаются только люди, имеющие справку о недееспособности, и пенсионеры, лишённые права получать выплаты. Я представляю собой и то, и другое. Кроме того, я имею право убить вас на месте, поскольку вы нарушаете закон в непосредственной близости от места моего проживания, у меня есть лицензия на владение оружием, я являюсь почётным пенсионером Содружества, и ваши действия могут быть признаны общественно опасными по пункту четыре статьи семь тысяч ноль-ноль-два того же подкодекса. Мне нажать на курок или вы можете убедительно оправдать своё вмешательство в мой мирный досуг?

Я, чуть оторопев от происшедшего, помедлил с минуту, а потом ответил:

– Нажимайте. Я был бы рад прекратить своё жалкое существование таким способом. Но, может быть, вы хотя бы представитесь?

– Понятно. Вы ненормальный, – сказала старуха, убирая пистолет от моего виска. – Я люблю ненормальных. Пойдёмте ко мне, чаю попьём, побеседуем.

Через пару секунд разъяснился вопрос, который меня несколько озадачил, а именно как старуха так быстро оказалась на моём балконе. Оказалось, что её кресло может не только двигаться по поверхности, но и летать. Она выдвину-

ла из-под него маленькое дополнительное сиденье и пригласила меня присесть, после чего мы легко перемахнули на её балкон, я пристроился на пластиковой скамеечке, и хозяйка принялась разливать чай из красивого сферического сосуда, парящего над столиком, по чашкам.

Сначала я сидел практически молча, односложно отвечая на вопросы, но потом мы разговорились и закончили беседу поздно ночью.

Старушку звали Сджутка Аж. До пенсии она занималась избирательной юриспруденцией. Этот неуклюжий термин придумали лет 500 назад, на волне борьбы за права биологических организмов. Роботы разного рода практически монополизировали вопросы права, но автоматическое принятие решений по судам многих не устраивало. Ввели сначала ограничения на использование искусственного интеллекта, а затем и приоритет естественного интеллекта над искусственным. Сделано это было несколько своеобразно. Дело в том, что правовая база Вселенной к тому времени стала очень сложной и полной противоречий. Законодательство всё ещё было в руках биологических организмов, так что сложность только росла со временем. Законы противоречили друг другу, и почти всегда можно было найти аргументы как за, так и против данного приговора суда. Искусственный интеллект принимал решение на основе собственных толкований юридических текстов, а если они были равноправны, то на основании веса прецедентов за каждый вариант решения. Есте-

ственный разум так работать не мог, поэтому юристам биологического происхождения разрешалось принимать решения на основании всего одного прецедента. И в случае, если находился юрист нужной квалификации, он мог оспорить решение юриста-робота, несмотря даже на его очевидную правоту и подавляющее большинство прецедентов. Если же на каждой стороне были живые юристы с примерно одинаковым опытом и равной по весу аргументацией, то решение по делу мог принять живой судья. Считалось, что он должен руководствоваться гуманистическими соображениями.

Поэтому возник целый класс людей, который занимался подбором прецедентов для каждого конкретного случая. Особо ценным считалось находить прецеденты, которые могли вызвать сочувствие судьи. Господинка Сджутка занималась избирательной юриспруденцией более ста лет и имела ранг Высшего Арбитра, что означало, что её слово сбавывало почти всегда. Она знала наизусть огромное количество прецедентов за тысячи лет и могла за мгновения подобрать нужный, чтобы доказать почти любое утверждение. Потом она вышла на пенсию и занялась собой. Первое, что она сделала – отказалась от денежного пенсионного пособия. Потому что это открывало путь для получения такого невероятного количества льгот и выплат, которые перевешивали пособие в разы. В частности, пенсионер, не получающий пособие, имел право выбрать любое общественное жильё для пожизненного проживания. Под понятие общественного жи-

лья подпадали и гостиницы, так что Сджутка Аж могла сесть в любой. У неё имелись документы, что она психически неадекватна, на основании не пройденного ей теста в начальной школе, а также что она полностью психически нормальна, на основании результата осмотра в клинике, и она пользовалась нужной справкой в зависимости от случая. Например, душевно больные люди имели право на бесплатное протезирование любых органов, если это просто облегчало им жизнь, в то время как психически здоровым для такой льготы требовалось медицинское обоснование.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.